

Анастасия Гор

2:36
по Аляске
Том II

Анастасия Гор
2:36 по Аляске. Том II

«Издательские решения»

Гор А.

2:36 по Аляске. Том II / А. Гор — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937129-4

Джейми Рейс — единственная студентка во всей Аляске, проснувшаяся утром 27 августа. Крис Роуз — единственный полицейский, оставшийся на Земле после рокового 2:36 на часах. Обоим предстоит непосильное: ей — пересечь несколько штатов, чтобы добраться до семьи, а ему — не дать себе все испортить. Ведь в этом новом мире таится что-то ужасное... Как и в самом Крисе. Когда все человечество умирает во сне, что лучше: проснуться или умереть вместе с ним?

ISBN 978-5-44-937129-4

© Гор А.

© Издательские решения

Содержание

Часть III: Пробуждение	6
26. Пелеева сын	6
27. От преисподней к свету	16
28. Долог и тяжек путь	24
29. В пасти у зверя	34
30. Рождественский ангел	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

2:36 по Аляске Том II

Анастасия Гор

© Анастасия Гор, 2018

ISBN 978-5-4493-7129-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-7084-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть III: Пробуждение

26. Пелеева сын

*«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул»*

«Илиада» Гомер

Я скользила пальцами по собственной коже, рисуя те прикосновения, что мне довелось испытать: неподатливую хватку рук вокруг моей талии, ласки с внутренней стороны бедра, доводящие до исступления; зубы и поцелуи, оставляющие на поверхности груди синеватые следы в память о близости. Никогда бы не подумала, что один раз с мужчиной способен вызвать такую зависимость! День, что мы с Флейтой провели одни в стенах старой фермы, показался настоящий пыткой, и вовсе не из-за ее лепета о Тото и причитаний по поводу свинства Себастьяна, оставляющего за собой кучу крошек и катышки от шоколадной пасты. Все, что занимало мои мысли за промывкой кукурузных початков к ужину – это нарастающий жар внизу живота, которым обернулась вчерашняя резь, и смущение, которое до сих пор мешало в полной мере признать мне тот факт, какое восхищение вызвал вчерашний опыт.

Даже сейчас, раскинувшись на постели уже после второго раза, я все еще хотела Криса. Вероятно, это имело под собой обоснованные причины: дотерпев до своего возраста и полного вымирания мира, я никак не могла насладиться оплотом нормальности, что заключался в обычных среднестатистических отношениях с красавчиком-полицейским.

Я мечтательно улыбнулась и, расчесав ногтями горящие щеки, выскользнула из-под вороха одеял. Ледяной пол обжег босые ступни. Подобрал с прикроватного ковра водолазку, я натянула ее, а затем принялась искать нижнее белье, которое Крис отшвырнул куда-то на подоконник в страстном порыве. Мне чертовски хотелось двинуться в ванну следом за Роузом, но, припоминая, что сообщила мне Флейта этим утром, быстро раскусив мою сияющую физиономию и растрепанный вид, я умерила свой пыл. Кажется, ее наставление звучало как нечто вроде «Полегче, подруга! А то еще *заимеешь* его до смерти, а один Себастьян нас на дно утянет. Ты хоть видела, сколько в него за раз вмещается консервов?! Не прокормить! Уже не говоря о его нездоровой любви к снегоходу».

Я приглушила свет лампы и, вытянув шею в коридор, посмотрела на запертую дверь ванны, приглушающую шум падающей воды. Переминаясь с места на место, я шумно вздохнула и все-таки решилась отправиться вниз. Ступеньки жалобно скрипели, нагнетая звенящую в доме тишину, и, оказавшись на просторной кухне, я огляделась, отодвинув с подоконника занавеску, чтобы выглянуть в окно на звучащие снаружи голоса.

В амбаре горел свет, производимый небольшим генератором, дающим энергию половине комнат на ферме. Облокачиваясь на сидение Кошечки, Себастьян внимал Флейте, стоящей напротив него и активно жестикулирующей с раздраженным выражением на лице. Несмотря на это и на зимнюю стужу, Себ выглядел крайне расслабленным (хотя уж точно не больше обычного) и периодически отвечал ей улыбкой. Пока мой взгляд вдруг не приковала его рука возле ее лица, убирающая светлые волосы, выбившиеся из традиционной косы...

Я сощурилась и, своровав с вешалки чью-то лыжную куртку, плечом толкнула входную дверь. От колючего ветра заслезились глаза и помутнели линзы. Невольно обхватив себя руками, я тихо прошлась до края крыльца, вдыхая в себя вечерний мороз. Я уже и не помнила,

когда выходила на улицу в последний раз, проболев больше нескольких недель, и теперь же это приносило забытое удовольствие. Ноющее бедро больше не подкашивало поступь, но я все равно прижалась к перилам, вглядываясь в раскрытую арку амбара.

Голоса раздались отчетливее.

– Твои татуировки... Давно они у тебя?

Я сосредоточилась и увидела, как Флейта, стянув с одной руки увитую снежинками варежку, скользит пальцами по тыльной стороне его ладони, украшенной сплетением пестрых цветов и силуэтов черно-белых воинов, о которых мне все было некогда расспросить. Разворачивающаяся на улице сцена с ее робким касанием и его пристальным теплым взглядом не представляла собой ничего криминального или предосудительного, но было в ней нечто такое интимное, от чего я почувствовала себя любопытной бесстыдницей.

Себастьян криво улыбнулся, задирая рукав куртки вместе с толстовкой до самого локтя, обнажая продолжение чернильных картинок.

– С поступления в колледж. Как вырвался от Сары – так сразу.

– Ты зовешь мать по имени? – удивилась Флейта, и, очевидно, во взгляде Себастьяна промелькнуло что-то такое, что заставило ее немедленно ступешаваться: – Тату на обеих руках?

– На правой меньше. Обычно это мое самопоощрение после удачных восхождений в горы.

Флейта задумчиво хмыкнула и поднялась тонкими пальцами чуточку выше. Когда она дошла до предплечья, Себастьян шумно выпустил в воздух облако пара и, судя по втянувшейся шее, покрылся мурашками – не то от мороза, не то от тактильного экстаза.

– Это что, какая-то мифология?

– Кельтские легенды и истории. Здесь, – Он кивнул на нижнюю часть руки. – Битва при Маг Туиред. Это ирландская сага о приходе племен богини Дану с северных островов. Сара раньше была профессором античной истории в университете Анкориджа, преподавала политические учения, поэтому со своего седьмого дня рождения я всегда получал в подарок только букинистические издания.

– Да она просто эталон заботливого родителя!

– Сара всегда была себе на уме, – невесело ухмыльнулся Себ и сдвинул пальцы чуть выше. – Я думал оставить здесь место для короля Артура, но не устоял перед Боудиккой. Вот она.

– Эта женщина с огненно-рыжими волосами на колеснице?

– Да, бравадая воительница и защитница угнетенных кельтов. Она дала отпор Риму, отнявшему у нее мужа и земли. Ты, между прочим, похожа на нее. У тебя случайно не было предков из Ирландии?

Флейта изогнула брови в ответ на обворожительную улыбку Себа, какой тот ее наградил, и отстранила руку, натягивая варежку на обледеневшие пальцы.

– Нет, моя семья приехала из Швеции.

– А среди викингов были великие женщины? Может, набью себе какую-нибудь из ваших легенд...

– Я родилась в Нью-Йорке.

– Хм, а о Нью-Йорке какие-нибудь легенды есть?

Она закатила глаза и поежилась, оглянувшись на дом. Я тут же прильнула к столбу крыльца, сливаясь с тенью, чтобы остаться незамеченной.

– Знаешь, пойду-ка я спать, пока печь не остыла. Доброй ночи!

Я увидела, как Флейта попятилась на хрустящем снегу, и ахнула в прижатый ко рту кулак, когда Себастьян вытянул свою руку перед самым ее носом и перехватил, не отпуская. Он решительно потянулся к ней, прижимаясь гладко выбритой щекой к щеке Флейты и плотно накрывая ее губы своими. Не знаю, отчего я оцепенела больше – от демонстрации чувств Себастьяна,

которые он привык скрывать даже от самих небес, или от того, сколько длился его любовный порыв, поддерживаемый взаимностью, как пожар сухим хворостом. Флейта *отвечала* ему!

Они стояли долго: мужские руки на округлом лице и ее золотистые варежки, покоящиеся на его груди. На улице сделалось так тихо, что я различала звук собственного сердцебиения и глухие причмокивания, когда кто-то из них двоих отстранялся, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Сложно было не заметить, как взгляд Себастьяна умащивался каждый раз, стоило Флей показаться в радиусе его обзора. Тут же возникали особые жесты, выдающие нежность, которую он был не в силах запрятать слишком глубоко. Себ чутко реагировал даже на ее просьбу передать соль: тут же тянулся за солонкой на самый край стола, пускай там сидел Крис, и эта просьба предназначалась ему. Он часто шутил в ее адрес – мягче, чем в адрес мой, – а еще следил за ее движениями широко распахнутыми глазами и улыбался как умалишенный, когда она с первого раза не могла допрыгнуть до верхнего стеллажа с книгами. Флейта часто перебирала здешнюю библиотеку, сидя в кресле возле камина – так близко к огню, что еще бы чуть-чуть, и тот перекинулся бы прямо на ее волосы. Она тщательно отсортировала дешевые эротические романы от найденных на задворках спален энциклопедий и инструкций по уходу за огуречной рассадой, но читала и то, и другое; это было главное занятие, за которым она коротала свободное время, как Себастьян коротал его за подкруткой Кошечки, а я и Крис друг с другом. Каждый раз, как Себ выбирался в город за припасами, он оставлял в своем рюкзаке место и для парочки новых книг, которые затем торжественно вручал Флей под насвистываемую мелодию из «Звездных войн» (наверно, путая ее с праздничным маршем). Его притяжение к ней было очевидно, но в тоже время слишком прозаично и поверхностно, дабы задуматься об этом всерьез и предположить, насколько глубокие он успел воспитать к ней чувства. Казалось, что уж точно не до того глубокие, чтобы отважиться признать их вот так в открытую. Но еще больший сюрприз: когда же Флейта начала питать их к нему в ответ?

А потом она наконец-то оттолкнула его, и все начало проясняться.

– Не делай так больше, – выдохнула Флей, и я уловила в ее голосе ужас, отливающий дрожью и хрипотцой. Перед Себастьяном или же перед тем, что она творит? – Ты же знаешь, что я не могу. У меня есть Того... Он...

Глаза у них обоих сделались влажными и заблестели в свете амбара. Он наклонился к ней, и та забила в угол, безуспешно пытаясь увернуться, но Себ настырно столкнулся с ней лбами, удерживая за плечи. Слишком маленькая чтобы противиться, она едва дотягивала до его подбородка, а оттого послушно терпела, презрительно морщась.

– Себастьян, отстань...

– Уедем со мной, Элис, – прошептал он, и Флейта застыла. – Уедем сейчас.

– Ты с ума сошел?!

Я затаила дыхание. *Элис...* Флейта была единственным человеком помимо Криса, кто оставался рядом со мной с самого МЗВ, и уж совсем единственной, кто еще ни разу не подрывал мое доверие. Но при этом я до сих пор не знала ее имени – ее *настоящего* имени. А вот Себастьян знал.

Напрягшись от обиды и одновременной тревоги, я бесшумно выступила из тени навеса, приблизившись.

– Можем забрать Джейми, – принялся искать компромисс он, не встретив одобрения. – Я собрал припасы у причала, их хватит на ближайший месяц. Укроемся в Клондайке...

– Зачем, Себ?.. Чем тебе не нравится жить здесь?

– Крис опасен.

Я передумала выходить и снова притихла. Флейта опешила не меньше моего.

– Да, он творил ужасное, но тебе ведь известна причина...

– И также мне известно, что он обречен. Те, кто будет находится рядом с ним, обречены тоже.

– Как ты можешь говорить такое?! Разве он не твой лучший друг? *Aminche*...

– Да, – признался Себастьян с горечью. – Но это не мешает мне мыслить трезво. Сама посуди! Ты думаешь, какие-то таблетки скроют от мира то, что сидит в нем? Раздвоение личности ли это, демон или что-то иное – не имеет значения! Я встречался с тем Крисом, – Он резко понизил голос и задрал куртку вместе с толстовкой, показывая плоский живот с очередной татуировкой, поперек которой тянулся широкий бледный шрам. – Он собирался вырезать из меня почку за то, что приревновал меня к моей собственной матери! Я едва унес ноги.

– Но потом он ведь пришел в себя, и вы бежали, разве не так все было?

– Да, – неохотно кивнул тот. – Но в Прайде мы долго изучали его... дефект. Есть вероятность, что однажды Крис не сможет совладать с собой... Однажды он останется таким навсегда. Представляешь, что случится с нами, если мы будем поблизости? Только представь, что может взбрыкнуть ему сделать с бедной Джем!

От упоминания собственного имени мне подурнело, и я привалилась к поручню, со свистом вздыхая. Флейта хотела оглянуться на этот звук, но повременила от того, с какой силой Себастьян стиснул ее плечо.

– После такого падения не выживают.

– Что?

– Крис упал с дерева днем, – рассказал он. – Не знаю, как он уцелел. Я не доктор, но... Однажды в горах я сорвался с высоты в полтора раза меньше, а мне и то диагностировали сотрясение мозга. Мы не можем знать, не повреждены ли у него внутренние органы. А если он скоро откинется?

Флейта закачала головой и раздраженно фыркнула, резко сорвав с себя руки Себа.

– Мне надоело это слушать! Если трусишь и хочешь сбежать – сбегай, только оставь меня в покое.

– Нет уж, – Себастьян возмущенно нахмурился и нервно ухмыльнулся. – Без тебя я никуда не поеду. Элис!

Флейта вскрикнула и забрыкалась, когда он поймал ее за ворот крепче обычного и притянул, насильно целуя в висок и таща в сторону снегохода. Она вытянула из его стальной хватки худое запястье и замахнулась, ударяя Себа по лицу, но едва ли это возымело желанный эффект: подточенные ногти расцарапали румяную щеку, но Себастьян лишь выругался, снова скрутив ее.

– Эй!

Я не узнала собственный крик – окрепший за эти дни и гулкий, как раскат грома, поднявшийся в воздух стаю птиц с ветвей деревьев. Меня окатило горячей волной – ярость от услышанного, смятение и непонимание заставили дыхание сбиться как после пробежки. Адреналин в крови опьянил, и, за долю секунды оказавшись возле Флейты, я оттолкнула ее в сторону. Втиснувшись между ней и Себастьяном, я нанесла удар.

Крис учил меня драться. Это было полушутливо, от скуки и на кухне возле закипающего в турке утреннего кофе, и тогда я едва могла парировать его слабые игровые нападки, ведь все еще тяжело болела. Но кое-что полезное из этого я все-таки извлекла: выбросить прямую руку вперед, отвести локоть и не сжимать пальцы в кулак – удар должен приходиться по носу или кадыку прямым нижнюю частью раскрытой ладони. Так будет больнее, а потому эффективней. И, судя по брызнувшей крови, Крис был абсолютно прав.

– Ты сломала мне нос! – выкрикнул Себастьян, закрывая покрасневшими руками лицо. – Совсем ополоумела?!

Флейта была ниже и тоньше меня и, соответственно, в разы слабее. Она не могла тягаться с Себом, а вот я – вполне, пускай и не в полной мере. Ощущение нависшей угрозы завладело мной, и, попятившись вместе с оцепеневшей позади Флей, я воскликнула:

– Это ты больной! Ты хочешь ее похитить!

– Я хочу ее спасти!

Себастьян схватил с сидения снегохода шапку и приложил к носу, останавливая кровь. Его карие глаза пылали в свете ламп. Раскрасневшийся, перепачканный, он смотрел на нас таким взглядом, что вопрос возникал только один: а сам ли он случаем не болен?

Флейта надрывно всхлипнула, прижавшись к моему плечу, но в действительности голос ее вдруг прозвучал трезво, наполненный былой решимостью:

– Я уже сказала тебе, что между нами ничего нет и не будет. Я никуда с тобой не поеду!

Себастьян хмыкнул и отнял шапку от лица. Переносица припухла, но больше не кровоточила. Он не сводил с меня пристального взгляда, вина во всех происходящих событиях, но до конца я так не поняла – что так искрится в его взгляде? Ненависть или... Сочувствие?

– Крис по уши в тебя влюблен, – произнес он. – Но, поверь мне, это не помешает ему утопить тебя в душевой, когда вы в очередной раз уединитесь.

Лицо у меня вспыхнуло. Я смутилась, но оттого сделалась лишь злее. Заметив это, Флейта схватила меня за рукав куртки и направила в сторону дома:

– Катись к черту, Себастьян!

Как только мы оказались внутри, Флейта обессиленно привалилась спиной к захлопнувшейся двери, а я едва не рухнула прямо на пол. Всплеск адреналина прошел, уступив место вялости, и несколько минут мы молчали, переваривая случившиеся.

– Ты не в праве осуждать меня. Ты ведь не понаслышке должна знать, какого это – влюбляться не в тех парней.

Я вздрогнула и заморгала, не сразу заметив, что все это время смотрела на Флейту. Должно быть, она приняла это за нечто другое, а потому я даже не успела объяснить, когда она продолжила:

– Я не собиралась предавать Тото.

Голова пошла кругом опять.

– Так ты влюблена в Себастьяна?

– Нет... Или да... Не знаю! Это не имеет значения, потому что я люблю Тото.

– Некоторые способны любить сразу двоих... Слышала что-нибудь о полиамории?

– Час от часу не легче.

– Ну, вряд ли с распухшим носом он теперь такой уж красавец, – вырвалось у меня, и предательски слетевший с уст Флейты знакомый смешок растопил тот кусок льда, который я, кажется, успела проглотить. Я улыбнулась тоже, и в итоге истерический хохот сошел на нас обеих.

– Пожалуйста, давай забудем об этом.

– Согласна, – Я отшвырнула на вешалку бесхозную куртку и, поежившись от контраста морозного уличного воздуха с рассредоточенным по комнатам жаром, двинулась наверх, но притормозила на одной из ступенек. – Думаешь, стоит рассказывать Крису?.. Не о тебе. О Себастьяне.

– Лучше не лезь. Это парни, сами разберутся, – посоветовала Флей и, расчесав пальцами длинные, выпущенные из косы волосы, растянула чемоданчик со своей флейтой. – Вряд ли Себастьян решится сбежать в одиночку.

Она всегда играла либо в моменты сильной радости, либо же в период невыносимого стресса. Я догадывалась, какой оттенок будет нести музыка в этот раз, и поспешила спрятаться наверху, пока Флейта поудобнее не устроилась на диване и не накрыла всю ферму своими переживаниями.

Когда я остановилась перед дверью в спальню, мелодия Флейты уже обволокла по коридор, предвещая, что скоро ее нарастающее эхо накроет и меня. Я начинала чувствовать веяние выюги, хоть нас от нее и защищали прочные деревянные стены. Я качнула головой, отгоняя магическое наваждение. Ладонь прижалась к дверной ручке, намереваясь толкнуть тяжелую дверь, когда краем глаза я заметила тусклый свет, текущий из щели приоткрытой ванны. Вода больше не бежала, зато в щели можно было разглядеть запотевшее стекло – Крис вышел из душа совсем недавно. Я закусила губу. Каковы шансы, что он со своим слухом и военным вниманием не стал свидетелем развернувшейся во дворе сцены? Способ проверить это был один единственный.

Я вошла, вдруг обнаружив бодрый голос, перебивающий музыку флейты и напевающий:

*Об этом косматом и яростном звере
Легенды рассказывал местный народ.
В его принадлежность к волкам он не верил.
Те люди считали, он демон – не волк.*

*Не раз на него начинали охоту,
Но он от облавы всегда уходил.
Он каждую ночь завывал на болотах,
И стаю в пятнадцать волков он водил.*

Крис был повернут к двери спиной, все еще полуголый и мокрый. Он неторопливо рылся в ящиках туалетного столика, перебирая пальцами свежее белье и носки. Остановив свой выбор на обычной белой майке, он стремительно влез в нее, даже не став промокать полотенцем оставшуюся на коже влагу – майка тут же впитала ее, сделавшись мокрой на груди.

*Из ружей в него постоянно стреляли
И ядом травили его без конца.
Но яды лишь голод его распяляли,
А в теле носил он кусочки свинца.*

*Но надо же было такому случиться,
Что этот косматый неистовый зверь
В тайге повстречал молодую волчицу.
И лишь для нее убивал он теперь.*

Я с любопытством наблюдала за ним, улавливая грубоватые нотки его тембра в стихотворной песне, и подобралась ближе. От скрипа гнилых половиц, прервавшего его забаву, у меня у самой ухнуло сердце. Крис смолк и, медленно задвинув полку, повернулся ко мне. Чистый и домашний, он выглядел заметно лучше – более отдохнувший и даже счастливый. Его лицо радостно светилось, и я улыбнулась ему, заметив вместо колючей недельной щетиной гладкие щеки, обработанные терпким лосьоном.

Не сводя с меня глаз, он закончил шепотом:

*Ушел за волчицей он, стаю оставив,
И ласков и нежен с нею волк был.
Те годы, что этой тайгою он правил,
Он ради подруги своей позабыл.*

Крис оказался совсем близко. Одно слово – один шаг в мою сторону. Я запрокинула голову к его лицу, и, когда он встал ко мне совсем вплотную, я протянула руки, прижав ладони к его ключицам и смяв пальцами мокрую майку. Он наклонился, проходясь кончиком носа по линии моих бровей, и под его тяжелым, пронизывающим взглядом мне вдруг захотелось сомкнуть веки. Он смотрел так хищно, так массивно, что я физически почувствовала давление – голод и желание пригвоздить меня намертво к матрасу. И, скорее всего, раздеть.

– Ты совсем холодная, Джеремиа, – шепнул он, накрыв мое лицо шершавыми ладонями и растерев большими пальцами скулы, на которых ноябрьский мороз запечатлел розовые щипки. – Тебе стоило пойти со мной в ванну вместо того, чтобы выходить на улицу.

– Я не...

Джеремиа.

Язык словно распух во рту и онемел. Мне сделалось не по себе. Никогда Крис не называл меня полным именем. Никогда. Разве что... Меня будто снова окунули в ледяную воду Састины – и вот я тону, захлебываясь, одной рукой пытаюсь зачерпнуть воздух и всплыть наверх, а второй зажимаю простреленное диким охотником бедро.

«Я слышу клацанье твоих зубов, Джеремиа».

– Джереми, – Крис нахмурился и снова потер мои щеки. Его дыхание опалило мои губы, до того он приблизился, и меня замутило. – Ты чего побледнела, малышка? Я просто беспокоюсь. Не хочу, чтобы ты снова не заболела.

«Малышка, ты же знаешь, что я не люблю играть в прятки. Ну же, выходи».

– Да... Извини. Я не подумала об этом.

– Все нормально?

– Конечно!

Я не умела лгать, но голос впервые прозвучал достоверно. Я выдавила улыбку, и Крис поцеловал меня, подхватил на руки и, взгромоздившись на середину постели, усадил к себе на колени. Он долго смотрел мне в глаза, лаская кончиками пальцев мои приоткрытые губы, словно играясь с ними, а затем проделал похожее с волосами, заправив мне их за спину. Я никак не могла понять, о чем именно он думает – взгляд голубых глаз впервые обжигал льдом, а не пламенем.

Его губы впились в мою шею так же стремительно, как принимается терзать жертву кобра, и я покрылась мурашками, послушно подставляясь ему. Хотелось стереть себе память и забыться, но, отвернув голову для удобства, я засмотрелась на смятое использованное полотенце из ванной, брошенное на старый ковер. Полотенце было белым, но увивалось бутонами красных роз... Мне потребовалось несколько секунд, чтобы навеванный вьюгой туман сошел с линз и позволил мне разглядеть, что никакие это не цветы. То была кровь.

– У тебя снова рана открылась? – встревожилась я и прежде, чем Крис успел перехватить мое запястье, ласково погрузила пальцы в копну русых локонов, ища пальцами трещину, которую обрабатывала и вытирала еще полчаса назад.

Но я ничего не нащупала.

– Крис, – шепнула я. – Ты принимал таблетки?

– Брось, – отмахнулся он, аккуратно отодвинувшись. Должно быть, мое вытянувшееся лицо не только выдавало меня, но и развеселило его, потому что он засмеялся. – От кровоизлияния в мозг еще никакие таблетки не спасали. Моя самая неожиданная смерть из всех, если честно.

Я взвизгнула и подорвалась с места. Крис перехватил меня под ребра и с легкостью опрокинул на постель, нависнув сверху. Его колено врезалось меж моими, проталкиваясь между сжатыми вместе ногами. Оба мои запястья уместились в одной его ладони, взведшей мои руки наверх за подушку. Он облегченно выдохнул, увидев, что со всем своим рвением я все равно

никуда не денусь, и его свободные пальцы примирительно погладили мой живот, до шеи задрав водолазку.

– Будь послушной девочкой. Ты уже достаточно вела себя плохо, не находишь? Или тебе понравилось быть наказанной? – прошептал он, сместив ладонь к моему бедру. Его пальцы болезненно надавили на мою повязку. – Вы ведь уже делали это, – прохрипел он, обводя плотоядным взглядом мою голую грудь, и я протестующе зарычала и забрыкалась, когда он несильно сжал и ее. – В душе, в спальне... Чего же ты тогда строишь из себя невинность? Разве с Крисом твоя никчемная жизнь не обрела долгожданный смысл? Ты же любишь меня, малышка.

– Все нет! Я тебя ненавижу, большая ты мразь!

Его прикосновения отзывались томительной болью в двух местах – на уровне сердца и внизу живота. Там, где повыше, это напоминало металлический лязг – жесткое и бессердечное отвращение, которое накрывало меня оглушительным взрывом все сильнее по мере того, как продвигалась выше его рука, все дольше задерживаясь в слишком откровенных местах. А внизу живота... Инстинктивное возбуждение. Касания Криса – любовный рефлекс, и, кто бы на самом деле не таился под его личиной, тело отзывалось беспрекословно.

«Хорошая девочка». Рвотный позыв и слезы, сдавившие горло. Мерзко и унижительно.

Крис хмыкнул, убрав руку.

– А разве я не Крис? Что же различает нас? – спросил он утробно, глядя на меня исподлобья. – Лишь то, в какой манере я общаюсь? Или что не лицемерю и не занимаюсь самообманом, внушая себе, будто мне не плевать на чужие жизни? Мы не разные люди, Джейми. Не верь им, – покачал он головой. – Мы – один человек. Я и есть Крис Роуз.

– Нет!

– И я нравлюсь тебе таким гораздо больше, признайся.

Я взбрыкнула, и Крис вдавил меня локтем в перину постели.

– Франки! Мертв! Из-за тебя! – гневно припомнила я и извернулась, пытаюсь впиться зубами в его ладонь, отчего Крис хохотнул, ловко уворачиваясь от моих укусов.

– За это скажи спасибо своей сестрице, которая взорвала лагерь. Криса убило обвалившейся крышей фургона, так что мне удалось развлечься с тем, к кому мы оба... немного ревновали. Считаю, тебе повезло, что я не вышел прогуляться и во второй раз, когда твоя Джесс выстрелила нам в лицо. Погоди-ка... Надо же, как быстро все поменялось! – Крис встрепенулся и присвистнул, ехидно сощурившись, но не забывая попутно шарить рукой по моему телу. – А ведь еще недавно ты обвиняла в гибели Франки самого Криса, не вдаваясь в подробности его *многогранности*. Так с каких пор наша вина – только моя вина? Нет-нет... – Он зажал меня и приложился губами к уху, вызывая тем самым приступ крупной дрожи. – Я твой Крис, и я убийца. Прими это. И я без ума от тебя. Все это есть и будет. Я не трону тебя, потому что ты моя, но для этого тебе придется усмирить свою строптивость. Договорились?

Он ухватился за шнуровку моих штанов и стянул их вниз до колен. Я закричала, – от испуга и ярости, – и он поцеловал меня, затыкая, пока где-то позади не щелкнул затвор.

– Приветик.

Крис отстранился и ослабил хватку. Жилистые пальцы, сдерживающие меня, разомкнули кольца, и я выскользнула из-под его тела, принявшись завязывать штаны обратно и осматривать наливающиеся пунцовым засосы и гематомы на запястьях.

Себастьян стоял в дверях, целясь из охотничьего ружья и закрывая плечом Флейту, крепко обнимающую свой наспех собранный рюкзак. Ее губы сочувственно поджались, когда я приблизилась, но в жалости я не нуждалась.

Я нуждалась в злости.

– Я знал, что рано или поздно этим закончится, – прошептал Себастьян. Его руки чуть подрагивали, удерживая навесу оружие, пока Крис, не изменяя своему насмешливому выражению лица, слезал с кровати. – Прости меня. Ты правда мой друг, ты...

– Да ну? – Крис фыркнул, поправляя почти высохшую майку. – Бравая у нас, должно быть, дружба, раз ты позволил Оливию сбросить меня с дерева, чтобы я стал таким. Ты ведь только этого и хотел, правда? Доказать всем свою правоту! Стать новым защитником. Ты все видел и ничего не сделал! Ты не мог дождаться, когда же это случится...

Мы с Флейтой молча переглянулись. Я тут же вспомнила рассказ Криса об их охоте, где не было упоминания ни одного постороннего имени вроде Оливия. Что же из услышанного мной было ложью? И где та ложь, которую не раскусил даже Крис?

Я посмотрела на Себастьяна и отступила от него.

– Убраться бы подальше от вас обоих, – прошептала Флейта разочарованно в такт моим мыслям, и Себ дрогнул.

– Не я ведь его скинул! Я просто готовился. Я и вправду знал, что так будет, и лишь благодаря этому мы до сих пор живы. Посмотри на себя, – Он ткнул дулом ружья Крису в грудь, когда тот оказался на опасно близком от нас расстоянии. – Посмотри, во что ты превратился! Мы уходим, понял? Без тебя, Кристофер.

Роуз поднял руки в примирительном жесте, и Себастьян попятился, вихрем срываясь вниз по лестнице. Суматошно последовав за ним, уже на лестнице я услышала рев заведенного снегохода, припаркованного у самого крыльца: Себастьян действительно подготовился к самым непредвиденным ситуациям. Флейта помчалась за ним, застегивая на ходу куртку, пока я делала тоже самое, однако раздавшийся позади скрип половиц опередил донесшиеся вслед слова:

– Ты не уйдешь.

Я прислонилась лбом к дверному косяку и жадно глотнула ртом воздух. Мозг гудел, и в отражении зеркала в прихожей я увидела самодовольное лицо Криса, стоящего на втором этаже и глядящего на меня со своего победного пьедестала – с торжеством и блаженным удовольствием от осознания, что он прав.

Прикосновение к литым мышцам под одеялом, когда слишком холодно или страшно. Готовность на все, чтобы искупить вину – как первородный грех, который он не выбирал и который от него не зависит. Тушеный кролик на ужин и чай из сухих листьев. Поддержка, когда еще больно ходить, и обтирание рук и лба спиртовой настойкой, когда жар убивает меня изнутри.

Крис виноват во всем этом.

И не виноват одновременно.

– Иди с ним, – кивнула я в ответ на вопросительный взгляд Флейты, стягивая с себя шерстяной шарф и откладывая обратно на обувной пуф. – Я остаюсь.

Себастьян, незамедлительно подлетев к порогу, схватил меня и грубо встряхнул. За прошедший день меня дергали уже столько раз, что я едва сдержалась, чтобы не сломать ему нос повторно.

– Таблетки уже не помогут, – рыкнул он, переглянув мне через голову в сторону невозмутимо сидящего на ступеньках Криса. – Он манипулирует тобой. Ты не видишь?! Он останется таким. Навсегда!

– С чего ты взял?

– Он еще никогда не был им так долго. И так... *явно*. Джейми, тебе нельзя оставаться с ним наедине. Ни в коем случае!

– Она и не одна с ним остается, – Флейта вдруг скинула рюкзак у вешалки вместо того, чтобы перенести его на сидение Кошечки, как велел минуту назад Себастьян. Стойко выдержав наши изумленные взгляды, она равнодушно пожала плечами, хотя сложно было не заметить, с какой сложностью ей дается такое спокойствие. – Извини, Себ, но я все равно не горю желанием ехать с тобой куда бы то ни было, поэтому я останусь с Джейми.

Такое заявление сбило с Себастьяна всю спесь. Он застыл на несколько секунд, поочередно глядя то на меня, то на Флейту, а затем фыркнул.

– Идиотки! Все, хватит с меня, – Он обиженно оттолкнул меня, заставляя неуклюже пошатнуться, а затем стянул с плеча ружье и швырнул мне в ноги. – Это тебе пригодится. Например, вынести себе мозги, когда поймешь, какую ошибку допустила.

Свет фар Кошечки ослепил на несколько мгновений, прежде чем Себастьян выехал на фермерскую тропу и помчался к трассе, выжимая максимальную скорость, словно за ним гнался сам дьявол. Открытая дверь выпустила почти все тепло из дома и, стоило мне закрыть ее, как меня едва не разорвало от абсолютного отчаяния – клетка захлопнулась, и цепь замкнулась тоже. Только две девушки под крышей с одним неумолимым хищником, наблюдающим за нами с такой самозабвенной ухмылкой, что не оставалось сомнений – он знал, что все будет именно так, потому даже не пытался ничего предпринять. Не нападал, не убеждал и не грозил... Просто смотрел. И этого ему хватило, чтобы стереть в порошок все то, что мы так старательно выстраивали с нуля почти целый месяц – нашу маленькую семью и уютную крепость.

– Правильный выбор, малышка, – произнес он довольно и выпрямился, вприпрыжку спускаясь вниз. – Чем скорее мы пере...

Один рывок. Я наклонилась, приняла стойку, прицелилась – и Крис замолк, рухнув навзничь прямо перед лестницей под задымившимся дулом ружья, ткнувшимся ему в ребра. Ошметки плоти и кровь фонтаном ударили из грудины, заливая пол и пропитывая его одежду и кожу.

Флейта прижала ко рту раскрытую ладонь, подавляя вскрик.

– Ты убила его, – выдохнула она, и руки тут же сделались ватными, опуская вниз ружье. На подкашивающихся ногах обойдя тело, я скинула оружие на диван и рухнула следом.

– Да, – ответила я, вытирая с лица слезы, сделавшиеся багровыми от брызг не моей крови. – Если это не поможет, то у нас хотя бы есть время подумать, что делать дальше. Заваришь чай? С двумя ложками сахара, пожалуйста.

27. От преисподней к свету

Я долго лежала с открытыми глазами, вперив бессмысленный взгляд в деревянный потолок, покрытый темными пятнами спилов и узором старости. В забаррикадированной со всех сторон гостиной пахло цикорием, мятой и булочками из масляного теста, которые лежали у печи уже неделю – жевать их было чревато крошением зубов, зато от жара аромат стоял душистый. Выпитый чай быстро согрел обледеневшие от страха ладони и принес толику покоя в сумбурные мысли, но заснуть мне все равно не удавалось. Я с завистью покосилась на сопящую под дубленкой Флейту, свернувшуюся на ковре возле очага. Долгие обсуждения плана оказались не шибко плодотворными: сойдясь на том, что утром принимать подобные решения целесообразнее, мы прилегли отдохнуть, ведь знали, что в скором будущем нам вряд ли выпадет такая возможность. Флейта, прежде напуганная и трясущаяся от малейшего свиста сквозняка, долго бормотала что-то бессвязное о том, как скучает по Тото и дням в МЗВ, где не творилось подобной дикости с воскрешением мертвых и раздвоением личности.

Мне же следовало отдать должное тому кружку актерского мастерства, который я посещала в начальной школе – моему показному бесстрашию позавидовали бы даже шекспировские герои! С головой меня выдавал лишь неудержимый тремор в пальцах, которые я то и дело прятала под подушкой. Мне потребовалось несколько раз умыться ледяной водой и расцарапать под мыльной пеной собственное лицо, чтобы перестать чувствовать себя грязной после встречи с Крисом – тем другим Крисом, воспоминания о «знакомстве» с которым хотелось вывести кислотой. Где-то внутри связанного окровавленного тела под лестницей был заперт дух мужчины, в которого я влюбилась... Что делать теперь? Раньше моей единственной заботой было раздобыть пачку новых контактных линз и переправиться через Канаду, чтобы отыскать брата и сестру. В одиночку я справлялась раньше – справилась бы и в этот раз, если бы не обзавелась лучшей подругой, ответственность за которую теперь душила меня не меньше чувства вины за то, что Крис умер. Умер в самом худшем смысле этого слова. И мне предстояло его вернуть.

Спустя несколько часов я все-таки задремала. Убаюкивающий треск пламени в печи и вой волков где-то далеко за фермой скрасили царящую атмосферу в умиротворяющие тона. Всплывать обратно на поверхность кошмарной реальности отчаянно не хотелось, потому я лишь глубже зарылась в усталости, когда мне явились долгожданные сны: шершавые пальцы под поясом штанов и пульсация чужого дыхания на щеке, согревающая от холода, когда печь начала остывать. Мне захотелось позвать Крису, с которым я каждую ночь испытывала подобный уют, но губы едва шевельнулись под тяжестью паралича. Лишь от загадочного дуновения ветра, которому неоткуда было взяться и который остудил согретое тело, я неестественно дернулась и проснулась.

Открыв глаза, я постаралась сосредоточить взгляд на потолке, но вместо этого лицезрела два топаза, глядящих на меня с хитрым прищуром. Я оцепенела, и вскрик утонул где-то глубоко в грудной клетке в пучине того, что с лихвой можно было обозвать ужасом.

– Ауч, – наконец изрек Крис и чуть откинулся назад, чтобы я в полной мере смогла лицезреть его усмешку и перепачканный в крови подбородок. – Ты меня убила.

Я все еще не могла двигаться, когда осознала, что прошедший сон не являлся таковым вовсе: все это время Крис действительно был здесь, опираясь коленями о диван между моих подогнутых ног, а руками о подушку по бокам от моей головы. Наши тела разделяло несколько сантиметров, а между лицами было и то меньше – дыхание ошпаривало губы, как кипяток. Я едва не потеряла сознание, предположив, как долго он мог пробыть в таком положении, нависая надо мной – безоружной и беспробудно спящей. В любой момент этой ночи, при малейшем же импульсе, он и вовсе мог сотворить со мной невообразимое...

Словно проявив снисхождение, в следующий же миг Крис отстранился и сел рядом, а я едва не издала стон облегчения.

– Как ты освободился? – тихо спросила я, робко приподнимаясь на локтях.

Роуз хмыкнул и демонстративно потер запястья, увитые обрывками нейлоновой веревки от мешков с рождественскими украшениями, которыми мы с Флейтой связали его под лестницей в коридоре после того, как выпили чай.

– Надо было взять наручники – они под кроватью на втором этаже. У меня ведь много чего осталось от службы в полиции, – поучительно прокомментировал Крис.

– Точно. Совсем забыла об этом.

– Глупышка, – Он укоризненно цокнул языком. – Однако узел хорош, пусть и недостаточно. Флейта завязывала?

Роуз приподнял лицо к бликам, просачивающимся из приоткрытой конфорки печи, и те заиграли на запекшийся алых пятнах, распростертых вдоль осунувшихся скул и под вырезом майки, куда я недавно впритык воткнула дуло ружья.

Я бросила беглый взгляд на окно, оценивая, насколько прояснилось звездное небо, и едва не ахнула от изумления – уже зачинался рассвет. Затем я снова повернулась к Крису и лишь тогда заметила, с каким упоением он наблюдает за ворочающийся на жестком ковре Флейтой, чье спокойствие еще не было беспощадно нарушено жестоким психопатом (в отличие от моего). Когда он потянулся к ней, я потянулась следом, и успела ухватить локоть Криса за миг до того, как разглядела всю рискованность такого порыва: в руке он сжимал мясницкий нож.

– Не трогай ее, – выдавила я едва слышно и удивилась, когда Крис послушно застыл, словно раздумывая.

Зажевав нижнюю губу, он равнодушно пожал плечами:

– Как скажешь, малышка. Значит, поворкуем наедине...

– Еще чего!

Я отпрянула, когда Крис развернулся ко мне всем корпусом, и побледнела, стоило ему придвинуться чуточку ближе. Сначала я подумала, что приподнятый в руке нож вот-вот вопьется острием в шею мне, но вместо этого он лишь покрутил сталь между пальцами, сооротив гримасу.

– Либо я прямо сейчас вспорю Флейте гортань, – размеренно произнес он. – Либо мы пойдем с тобой на кухню и тихо побеседуем, как подобает цивилизованной паре. А еще ты сделаешь мне сэндвич. Я жутко голоден!

И был ли здесь тот галантный выбор, о котором шла речь?

Я слотнула, а затем нарочито лениво сползла на пол и, выпрямившись, молча двинулась в сторону задвинутой перегородки, разделяющей гостиную с кухней.

– Хорошая идея, – сипло соврала я. – У меня тоже урчит в животе.

В спину себе я услышала одобрительное хмыканье – кажется, сам Крис был польщен моей уравновешенной реакцией в ответ на его безумную наглость. Я и сама до конца не понимала собственные перемены: в какой-то момент раздавшийся щелчок в голове, похожий на щелчок затвора ружья, разом расставил все на свои места. Инстинкт самосохранения вопил в агонии, но я продолжала хладнокровно рыскать по кухонным шкафчикам в поисках съестного, в то время как затылок зудел под пристальным взглядом Криса, устроившегося позади.

Взгромоздившись за стойку, он сдержанно наблюдал. Между мной и чудовищным убийцей не было никаких препятствий, не считая пары сдвинутых вместе стульев, на которые я встала, чтобы дотянуться до верхней полки. В любой момент он мог настигнуть меня сзади и, схватив за шею, переломить пополам, как тростинку. И даже закончить начатое тогда в спальне... Соппротивление выглядело бы нелепо: Крис был иным, но тело все еще принадлежало ему – сильное, выносливое и мускулистое. Уж его выдержку я ни раз проверяла лично –

и в длительной погоне по лесу, и под одеялом в марафонах поприятнее. Однако даже при наличии всех этих факторов я до сих пор не чувствовала себя напуганной.

– У нас осталась только арахисовое масло и сушеная скумбрия, – объявила я и, поднеся к носу набитый газетный рулон, сдавленно чихнула от кислого запаха. – Фу, ну и вонище! Лучше без скумбрии.

– А хлеб-то есть? Хотя бы тот канцерогенный для тостов... Он по году не портится, знаешь.

– Нет. Только крекеры.

– Сойдет.

Я забралась на стул по противоположный край стойки и, стараясь лишний раз не поднимать глаза, быстро отвинтила крышку банки и пододвинула к Крису вместе с раскрытой пачкой хрустящего соленого печенья.

– Куда ты спрятала ружье? – спросил вдруг он на четвертом крекере, тщательно облизывая кончики пальцев.

Я ела тоже, только нерасторопно и проглатывая по крошке, буквально насильно проталкивая пищу в горло ради прибавки к силам и иллюзорной безмятежности, но это все чуть не вышло из меня обратно. Я вопросительно взглянула на Крису и судорожно вздохнула, тут же поняв, что разыгрывать спектакль не имеет смысла: если мимика прежнего Роуза была подвижной и живой, то этот даже в моменты злобного смеха выглядел до вычурности отчужденно и пронизательно. Именно это выражение его лица не позволяло усомниться в том, что любая услышанная Крисом ложь будет незамедлительно раскрыта. Он будто смотрел не на меня, а куда-то сквозь – через все то, что я могла выстроить между ним и собой для собственной защиты. От этого я чувствовала себя жалко. Играть на его условиях – единственный вариант, и я смиренно призналась:

– Под кресло возле чулана. Хочешь, чтобы я принесла?

– В этом нет необходимости. Если честно, я не так уж люблю стрелять. Пули – удел слабаков, брезгующих замарать руки. Я же предпочитаю убеждаться лично в той смерти, что несу людям. Для этого необходимо чувствовать, как лезвие входит под кожу. В противном случае, смерть не более чем потеха, но никак не дар.

– Я гляжу, на такие дары ты весьма щедр...

– Тебя я убивать не собираюсь, сказал же.

– Почему? Я не заслуживаю подарков? – истерично ухмыльнулась я.

– Ну, – Крис посмаковал ореховый вкус на языке и перегнулся ко мне через стол; мне потребовалось приложить титанические усилия, чтобы от неожиданности не опрокинуться со стула назад. – Ты красивая. Тебе бы я лучше подарил какое-нибудь ожерелье или, скажем, котенка. Смерть – избавление, а я не собираюсь избавлять этот мир от красоты. Он и без того уродлив.

Я надеялась, что после сказанного Крис вот-вот отсядет, но он завис в этой напряженной и крайне тесной со мной позе, словно упиваясь моим отвращением и гневом. В какой-то момент я не смогла выдержать его взгляда и отвела свой, часто заморгав, будто от сухости в глазах, но на деле же – от слез.

– Этот мир был бы куда красивее, будь в нем место для Крису Роуза. Для настоящего Крису.

– Покуда тебе знать, что это я – ненастоящий?

Он прочертил пальцем по собственной майке, стирая с него сладкое масло, и приподнял им мой подбородок – нос к носу, губы к губам. Меня чуть не стошнило от приторного запаха и ненависти, когда он нагнулся еще сильнее и смазано чмокнул меня в уголок рта. Моя щека еще никогда прежде не скользила по такому гладкому подбородку, до того чисто выбрился

Крис сразу после того, как умер – похоже, этот Роуз имел разительно иные предпочтения не только касательно способов расправы, но и касательно собственной внешности.

– Чего ты хочешь от меня? – несмело спросила я, тщетно пытаюсь совладать с дрожью в голосе. – Уничтожить все, что мне дорого? Изнасиловать? Поиздеваться? Что тебе нужно?

– Все перечисленное и ничего из этого одновременно, – шепнул он, накрывая широкой ладонью мою шею под затылком, заставляя придвинуться к кухонной стойке и впериться в нее животом. – Ты не пошла за Себастьяном, потому что отлично расставляешь приоритеты и разбираешься в людях. Вместо этого ты пойдешь за мной, куда бы я не повел тебя – слепо, отвержено и без оглядки, как и подобает женщине, верящей в своего мужчину.

– До чего самонадеянно...

– А разве не за этим ты осталась со мной? Зная то бесчисленное количество деяний, что я сотворил во имя искусства и праведности... Эти деяния ты зовешь зверствами.

– Я осталась, чтобы вернуть себе моего Криса.

– Так вот же я – прямо здесь, малышка! – ухмыльнулся он. – И я больше никогда тебя не оставлю, клянусь.

Это стало последней каплей. Я рывком оттолкнула от себя Роуза, смачно зарядив кулаком ему в челюсть, но прежде чем успела дернуть руку назад, он ловко перехватил мое предплечье и притянул обратно. Мои пальцы вдруг оказались у его лица – он почти вобрал их в себя губами, целуя. Бесноватый огонь, растопивший тот бесчеловечный лед в голубых глазах, напугал меня куда пуще былой бесцветности.

– Ты стонала подо мной, когда я лишал тебя девственности, – прошептал он в запале, и его губы под моими пальцами тронула гадкая усмешка, которую тут же захотелось стереть очередным ударом. – И на следующую ночь стонала тоже, когда я вернулся с охоты. Ты еще тогда пошутила, что я упал с Эвереста... И я не стал рассказывать тебе про Оливия, чтобы уберечь от того, что больше скрывать не намерен. Ты напугана? Почему же? Не поверила, что я и есть Крис? Я был *им*, когда был *с тобой*... Я был им всегда! Ты спала со мной. Ты *будешь* спать со мной. Ты будешь меня любить, потому что любишь уже сейчас!

Я подскочила с места и едва не поскользнулась на ровном полу, холод которого болезненно пронзал ступни даже через подошву высоких ботинок. Мозг загудел: откуда Крис мог узнать все это, если бы всегда не был самим собой?! Две личности, уживающиеся вместе... Разве в таком случае, пока бодрствует одна, вторая не отделена непроницаемой стеной? Они не в состоянии звучать в унисон, если только не...

«Одно целое».

Я встряхнула головой, отказываясь принимать эту правду, и, пока Крис обходил кухонную стойку в моем направлении, вытянула из сервиза с побитым хрусталем заряженное ружье.

Сначала на лице Роуза пролегла тень сомнения, затем – удивления, а после... Одобрения? Гордости? Я предупреждающе вскинула оружие, хотя от страха дуло тряслось из стороны в сторону, будто ожившее.

– Я думал, ты побоишься солгать...

– Я и не лгала, – запинаясь, процедила я. – Сначала Флейта спрятала его под кресло, а затем я передумала и перенесла его сюда. Удачно, правда? Наверно, Грейс был прав, и у меня действительно потрясающая интуиция!

– Ну и что с того? – нахмурился Крис, лениво привалившись к стойке, но все же не став делать еще шаг навстречу ружью. – Убьешь меня пару-тройку раз, а что потом?

– Попрощаюсь, – пожала плечами я. – И уйду, пока ты будешь пускать кровавые слюни в коврик для обуви.

– Не сможешь...

– Ты так в этом уверен?

– Хм, – Крис потер пальцами подбородок и занял мое место на стуле, беря в руки почти приконченную банку с маслом. Зачерпнув остатки со дна надломленным крекером и аппетитно захрустев, он вдумчиво замычал: – Хочешь вернуть себе Крису?.. Прежнего Крису, да? Хорошо. Заключим сделку.

– С чего это ты вдруг так раздобрел? Ружье для трусов, но все равно не нравится, когда нацелено на тебя, да? – ухмыльнулась я, внезапно повеселев: наконец-то хоть какое-то преимущество на моей стороне!

– Я планировал договориться еще до того, как ты убила меня, – Крис вытер руки о бумажное полотенце, выглядя крайне серьезно, и я растерялась от того, сколь его заявление походило на правду. – Думаешь, я смерти страшусь? Плюс-минус еще одна особой роли не сыграет. Нет, мы бы и так плавно перешли к уговору, просто ты оказалась такой... притягательной. Я не удержался! Но теперь же я собран и готов приступить к делам.

– Забавно, как, оказывается, легко остудить мужскую похоть. Всего-то нужно разок пальнуть в упор! Ну и?

– Мы пойдем в Прайд, – объявил Крис, и я мысленно выругалась, что вообще согласилась его выслушать. – Кажется, раньше ты горела желанием отыскать семью... До того, как одним из сновидцев оказалась твоя сестрица. А что насчет брата? Хотела бы его увидеть?

Я неуверенно переступила с ноги на ногу.

– Продолжай.

– Я знаю кое-кого, кто может переместиться в любую точку земного шара. За секунду. Вот так, – Он показательно щелкнул пальцами. – Только представь себе эту выгоду: ты всего-то поможешь мне добраться до Прайда, а там мой старый приятель молниеносно перенесет тебя к брату и – опля! – долгожданное воссоединение любимых родственников, – Крис вскинул руки, сделав в воздухе какой-то жест, очень похожий на неприличный, и показательно скрепил пальцы замком. – Вдобавок, в Прайде тебе дадут ответ, как вернуть мне прежнее занудство и благоразумие... Возможно. Сара долго занималась мной и наверняка знает ответ, а уж договоришься ты с ней или нет – мне все равно. Я просто хочу домой.

– Настолько, что готов дать мне шанс снова запереть тебя внутри Крису? – недоверчиво вздернула брови я, и тот рассмеялся. Я с ужасом обнаружила, что смех его остался нетронутым темной сущностью – такой же светлый, медовый и бархатный, от которого веяло чистосердечностью и обаянием.

– А почему нет? Сара не очень-то сговорчива, так что шанс на осуществление вашего альянса невелик. Мне же нужен кто-то, кто подстрахует меня по пути к Прайду – одному добираться небезопасно. Подумай только! Там все твои друзья – Барби, Тото... Ставлю десятку, что и другим место нашлось после крушения МЗВ. Возможно, даже Грейс выжил. А еще Флейта так скучает по своему парню... И твоя сестра, Джесс. Разве тебе не хочется надрать уши этой негоднице?

– Не только уши, – хмыкнула я и медленно опустила ружье, увидев, что Крис перестал представлять опасность, слишком занятый тем, что отпечатывает герметичную крышку маринованных огурцов, которые нашел под раковиной, пока говорил, расхаживая взад-вперед по пустой кухне.

– Видишь, сплошные плюсы! Я не стану больше трогать тебя, Джеремиа, – пообещал он и, заметив мой скептический взгляд, гортанно хохотнул. – Мне надоело. Я могу и потерпеть, пока ты сама не попросишь...

– Никогда!

– И все же, – Крис подошел совсем близко, но до того, как я снова вскинула ружье, только скромно и весьма учтиво подал мне в руки откуда-то взявшуюся пачку мятных леденцов. – Я не намерен, – как ты там выразилась, – насиловать тебя или издеваться, пускай это одна из моих

давних сексуальных фантазий, да, было дело... – Роуз откашлялся. – Мы дойдем до Прайда, а там ты сама примешь решение, что делать дальше. Никто не обидит тебя, пока я рядом.

– Даже ты сам?

– Даже я сам, – эхом отозвался он, и взгляд его действительно сделался таким ласковым, что я буквально ощутила прикосновение бархата к коже и тепло, несущее привычный запах одеколona и сырой хвои, чем неизменно веяло от кожи Криса даже после принятия ванны. – Дорога до Прайда займет дня два пути, и за это время ты как раз узнаешь меня получше. Это не только мой шанс вернуться домой, но и мой шанс подарить дом тебе самой, показав, что не так уж страшен черт, как *меня* малюют.

Я снова прищурилась, но промолчала. Время будто застыло, но на деле внутренняя борьба длилась меньше минуты. В каком процентном соотношении можно было бы выразить мою глупость, если бы я согласилась пойти на такое? Довериться психопату, которому в любой момент может взбрести в голову уложить меня на лопатки и сорвать одежду или же пырнуть вилкой мою лучшую подругу, если та вдруг восстанет против его затей... Как можно было доверять человеку, способному воткнуть осколок стекла в безобидного рыжеволосого парня, всем сердцем любящего науку? Или попытаться вспороть живот своему *aminche*? Передо мной стоял человек, настроение которого менялось чаще, чем я моргала – от тяги к кровопролитному насилию до «Съешь со мной пару сэндвичей». Риск достигал запредельных высот, но при всем этом даже такой Крис совсем не походил на лжеца; наоборот до того прозрачный, до того пронзительный, что вранье шло бы во всякой разрез с его убеждением «очищать мир от скверны» и «веселиться». Психопат, но не лгун. А какие еще варианты маячили на горизонте кроме тех, где придется и дальше прозябать в этой скрипучей лачуге и ждать чуда? Трусливая Джем, позабывшая о семье, прикрывающаяся простреленным бедром и любовным якорем, удерживающим ее на месте...

– Довольно! – вырвалось у меня вслух, и я вздохнула, принимая протянутую по обычаю пятерню Криса, которую после пожатия он запустил себе в волосы, непривычно взьерошивая их. – Мы идем в Прайд, а затем ты переносишь меня к брату. И при этом не смеешь прикасаться ни ко мне, ни к Флейте!

– Да будет так, – кивнул он и обернулся на отодвинувшуюся дверную створку. – Вспомнишь солнце – вот и лучик... Доброе утро, зайка.

В проеме показалось меловое и заспанное лицо Флейты. Невзирая на отпечатки пуговиц на лбу и растрепанный вид, она подготовилась: застав Криса рядом со мной, Флей встрепенулась и резко выставила перед собой заостренный наконечник чугунной кочерги.

– Отойди от нее!

– Ух ты, – воодушевленно оскалился Крис. – Еще одна драка!

Я выскочила вперед, закрывая собой Криса, и Флейта, нервно смахнув с лица упавшие колоски пшеничных волос, изумленно уставилась на меня.

– Что ты делаешь, Джем?

– Решаю наши проблемы, – ответила я и зажевала нижнюю губу, уже предвкушая, как долго мне придется ее убеждать. – Крис, будь добр, выйди... Девочкам нужно пошептаться.

Крис отреагировал на радость спокойно и понятно: он подхватил банку с соленьями и, засвистев что-то беззаботное себе под нос, осторожно обошел Флейту, тут же отпрыгнув от него в сторону как от взрыва осколочной гранаты. Прежде мертвенно-белую, ее вдруг бросило в багряную красноту, когда Крис мимолетно улыбнулся ей и... подмигнул.

Флейта кинулась ко мне, почти сбив с ног, и чуть не расплакалась.

– Что это сейчас было?!

– Присядь, – вымученно улыбнулась я. – Постарайся дослушать меня до конца, ладно?..

– Прохладно! – огрызнулась Флейта. – Ты что, менингит подхватила?! Я спала и видела сны про овечек, а у нас все это время по дому свободно разгуливал маньяк! Так ты еще, кажется, и договориться с ним умудрилась. О чем, скажи на милость?!

Я зашипела и приложила указательный палец к губам, призывая ее к тишине, а сама впихнула ей ружье и двинулась в обход гостиной, чтобы собрать вещи. Что-то нечленораздельно заревев мне вдогонку, Флейта помчалась следом, неуклюже спотыкаясь о волочащийся по полу ремешок.

– Прайд, – начала я, вынимая из тумбы в спальне запасной комплекс термобелья. – С него все началось. На нем все и закончится. Прайд – центр всего, что происходит с нами, источник проблем и их решений. Крис приведет нас туда, – Я со скрипом захлопнула деревянный бардачок и оглянулась на оторопевшую американскую шведку. – А ты хочешь предложить другой выход?

– Нет, – сокрушенно покачала головой Флей и, фыркнув, отшвырнула тяжелое ружье на постель, в которой мне не так давно довелось пережить кучу всего важного в своей жизни, включая болезнь, ранение и любовь. – Себастьян забрал все оружие, включая револьвер самого Криса и винтовку. Оставил нас довольствоваться одним этим идиотским старым карабином! Как ты планируешь выжить в тайге без элементарного снаряжения и с *этим монстром*?!

– Карабин?.. Что еще за карабин? Ты что, разбираешься в них? Я думала, это просто ружье.

– Гладкоствольное же, – рефлексивно задумалась она. – Тото говорил, что их... Так, Джейми!

Я опустила на колени, заглядывая под кровать, и действительно вытянула оттуда тяжелый деревянный ящик. От обнаруженного содержимого я испустила разве что вздох разочарования – внутри была лишь бестолковая куча хлама и наручники, в которых больше не было нужды. Огорченно хмыкнув, я все-таки спрятала в рюкзак хотя бы их.

– Я уже все решила, – сказала я, водружая набитый рюкзак себе на плечи и застегивая пуховик. – Нас двое, а Крис один. Он прав в том, что вряд ли доберется до Анкориджа в одиночку, да еще и пешком, так что наша смерть для него не комильфо. Тото с Барби и Грейсом ведь все равно там, верно?

– Если они не ушли...

– Не ушли, – мрачно подтвердила я. – Судя по тому, что я знаю, из Прайда никто просто так не уходит. Значит, нам в любом случае нужно их найти. И Эшли...

– Так это ради семьи? Или все-таки ради Криса?

– Неважно. Семья – это все те, кто выжил после двадцать седьмого августа, Флей. Семья – это все мы. Ради чего же теперь еще жить?

– А как же твоя нога? – стухнув, грустно спросила она, опустив взгляд.

Я посмотрела на повязку, которую не меняла с прошлого утра и которая все еще оставалась чистой. Я отчетливо помнила, что под ней осталась лишь круглая запекшаяся рана, стянувшаяся в диаметре раза в три и почти зажившая до конца.

– Не болит, – озвучила я восторженным шепотом. – Надо же... Действительно не болит! Я выдержу. Ты помнишь, что сделал Орфей, когда его Эвредика умерла? Ему потребовалось спуститься в сам ад, чтобы вернуть назад ее душу.

– Вообще-то, конец у этой истории печальный... погоди, ты что, сравнила сейчас Криса с греческой дриадой?

– Я к тому, что спуститься туда пора и нам, – закатила глаза я. – Спуститься и предъявить, какого хрена демоны из этой гребанной дыры преследуют нас. А затем, если повезет, вернуться к свету и никогда больше этот свет не покидать. Довольно тьмы и незнания, согласна?

Флейта бесслезно всхлипнула и измученно застонала, закрывая лицо руками – такой ответ мне был ясен и без слов, и я удовлетворенно выдохнула.

– Да, – взвыла она, скрипнув зубами, и по-детски захныкала. – Согласна. Почему я уродилась такой слабохарактерной и легко внушаемой?! Ненавижу себя!

– А я тебя обожаю, – улыбнулась я. – Честное слово, Флей, обожаю!

Я подождала, пока та отыщет в соседней каморке свой рюкзак и туго заплетет распушенную до сна косу, а после мы вместе спустились вниз. Когда до первого этажа оставалась одна ступенька, перед входной дверью возник Крис. Он был уже при параде – в плотной темно-синей куртке с полицейским значком, которую я прежде на нем не видела, в походных ботинках и со сдвинутой на лоб шапкой. А еще с неизменным озорным блеском в глазах, чреватым стать предвестником нашей скорой гибели.

– Припасов больше нет, так что путешествуем налегке. Дамы вперед! – торжественно поклонился он нам перед тем, как распахнуть дверь, приглашая в дом рьяный порыв морозного ветра, который тут же выбил из меня дыхание и принялся щипать за нос.

Флейта бросила на меня красноречивый взгляд и, крепче прижав к груди ружье, прошла мимо Криса, намеренно отставив рукоять в сторону.

– Упс, – проронила она невозмутимо, ударив его в пах.

– Бывает, – Крис согнулся и выдавил непринужденную улыбку, пропуская ее, и я очень хотела бы верить, что последующее мне показалось – он спрятал руку в карман и сжал ее в кулак. – Не упади, зайка! На крыльце скользко.

Я набрала в легкие побольше теплого воздуха, чтобы запомнить этот домашний жар перед тем, как снова окунуться в забытую стужу, и шагнула вперед. Я почти миновала порог, когда Крис ухватил меня под локоть, остановив. Неужели подвох дал о себе знать раньше, чем я ожидала?..

– Будут проблемы с ногой – скажи, – неожиданно прошептал он, кивнув на мое бедро, спрятанное под лыжными штанами. – Всегда можем остановиться передохнуть. И... Джем, просто доверься мне.

Он отпустил меня и позволил мне выйти, после чего закрыл дверь и двинулся следом. Обернувшись, чтобы проследить за тем, как он обгоняет Флейту и идет во главе нашей троицы, ведя нас той тропой, что увивалась в сторону шоссе и моста, я никак не могла заставить себя посмотреть на фермерский дом, который больше могла уже не увидеть. Лишь на пересечении лесной полосы, которая должна была скрыть от нас холм, я все-таки взглянула на окна верхнего этажа. Темные, они больше никого за собой не прятали от зимы; темные, им было суждено отныне темными и оставаться.

«Доверься мне».

Всегда, Крис Роуз... Но только не в этот раз.

28. Долог и тяжек путь

После сильных ночных заморозок снег напоминал византийский витраж: отражая солнечные блики и слепя глаза, он переливался алмазными бусинами под пальцами и оставлял за собой покальвание взамен тепла, которое забирал. Кожа от него становилась гусиной. Осилить столько миль после долгой отсидки в безопасных четырех стенах оказалось неподвижно сложно: бедро, пусть и зажившее, не забывало ныть каждые несколько шагов уже спустя пару часов непрерывной ходьбы. Стараясь не слишком часто облакачиваться о деревья, чтобы не привлекать внимание, я с ужасом ждала, когда идущий впереди Крис обернется и напомним о том, что я в любой момент имею право запросить передышку. От мысли, что из-за боли придется растянуть наш путь до Прайда еще на сутки, все внутри скручивалось в узел. Никакой назойливый зуд от швов не мог показаться страшнее перспективы пробыть с Крисом дольше запланированного. Предвидя это, он несся вперед так быстро, что Флейта едва поспевала за ним, сбивая ноги о припрятанные под снегом булыжники и чертыхаясь. С каждым часом идея добровольно сдать в лапы вездесущим фанатикам начинала выглядеть все более безумной, но едва ли в этом было безумства больше, чем в глазах Роуза, когда мы наконец-то достигли рыбацкого причала.

Когда-то очень давно я проезжала мимо этого берега. То было еще в мой первый визит в Анкоридж перед тем, как я перевезла свои чемоданы в университет Фэрбанкса. Летом здесь всегда в несколько тесных рядов пришвартовывались лодки – и любительские рыболовные судна, и элитные катера. Отсюда по реке, не затвердевающей от сильного течения, можно было лихо добраться до границ города и сейчас, тем самым скоротав минимум полсуток. Здесь же Себастьян и подготовил заначку в несколько сумок продуктов питания, а еще лодку с полным бензобаком, о которой поведал Флей до побега... Эта лодка была их запасным с Крисом планом, если бы однажды тому пригодилась помощь и под рукой не оказалось бы ни одного рабочего пикапа.

Все, что оказалось на этом месте теперь – маслянисто-черная вода, отравленная спущенными в нее литрами топлива, и никчемные пустые посудины. Пригодным для использования из этого был лишь узкий бледно-розовый катамаран, на широком носу которого красовалась яркая синяя надпись, источающая еще совсем свежий запах краски из баллончика – «*Suce*».

– Может, стоит ткнуть в него палкой? – робко спросила Флейта, поправив слой из двух вязанных шапок, съехавших наперед. – Франки как-то рассказывал о синдроме, когда люди умирают, но не падают и продолжают стоять...

Спустя еще несколько минут предположение Флейты перестало казаться абсурдным: Крис все еще стоял на подмостках и, забыв про человеческую потребность в морганин, пялился на колыхающийся на скудных волнах катамаран. Его руки безвольно висели вдоль тела, и ничего не выдавало живых эмоций – ни сжатые кулаки, ни напряженная спина, ни нахмуренные брови. Он выглядел отстраненным, если не умиротворенным, словно пребывал в наркотической прострации: чуть приоткрытые пухлые губы, вперившийся в лодку стеклянный взор... Невзирая на его неподвижность, воздух вокруг жужжал в интуитивном преддверии неминуемой беды.

– Не пойму, – снова заговорила Флей. – Он злится и придумывает в голове план отмщения? Или это просто...

– Ступор, – подсказала я.

– Так выглядел тот парень из «Американского психопата» перед тем, как сорваться и начать кромсать топором всех своих знакомых. Не знаю, как тебя, но меня это пугает куда сильнее, чем если бы он начал материться или пару раз пнул эту ржавую рухлядь... Кто вообще способен на такое? – Я проследила за взглядом Флейты и сочувственно взглянула на дегтярные

лужи, разъевшие чистую лазурь реки. – Слил все топливо в воду. Ладно бы лодки испортил... Но и невинных рыбок на мучительную смерть обрек, деспот!

– Кто-то из Прайда? – пожала плечами я, и тут-то Крис заговорил, от неожиданности чего я даже дернулась:

– За причалом есть рыбацкий домик. Переночуем там, а на утро выдвинемся. Хм, подумать только... – Он поправил за спиной рюкзак и кинул в сторону катамарана презрительный прищур. – Какие только иностранные выражения не познаешь с таким другом!

– Что? – зашипела Флейта мне на ухо, нетерпеливо дергая за плечо. – Я не расслышала, что он сказал? Что значит «suce»? Джейми, ну ответь!

– Я не...

– Отсоси, – перебил меня Крис, остановившись на краю причала перед тем, как снова спуститься на тропу в снег. – Это означает «отсоси» на французском.

– *Себастьян*, – ахнула Флейта, и я вторила ее противоречивым чувствам. – Не думала, что он настолько зол на нас.

Крис хмыкнул. Я ответила Флейте вместо него, но шепотом, выглядывая впереди долгожданный дом под темнеющим небосводом, где можно будет отогреть закоченевшую тушку и наполнить урчащий желудок чем-то съестным:

– Это послание. Наверно, Себ знал, что Крис захочет воспользоваться их лодкой и решил подгадать напоследок... Или посчитал, что таким образом уберезет нас от визита в Прайд. Вряд ли в здравом уме кому-то могло придти в голову, что мы отправимся туда одной дружной компанией.

Не услышав позади шагов и перестав болтать, я обернулась: Флей присела на корточки под крышей рыбацкого стенда со снастями, укрывающей небольшой участок причала и катамаран. В углу ютилось несколько мешков с цементным порошком и старый ящик, внутрь которого Флейта с любопытством заглядывала.

– Ничего полезного... Ух ты, фейерверки! – вслух пролепетала она. – Наверно, когда-то здесь планировался грандиозный салют.

Она отряхнула брюки и, задвинув ящик обратно, поспешила догнать меня.

– Если бы о нас сейчас снимали сериал, какое название ты бы ему дала? – задумчиво спросила она, на ходу принявшись напوماживать обветренные губы жирным детским кремом из дорожного тюбика. – «Двое в метели, не считая убийцы»? «Рождественский ад»? «Поворот в Анкоридж»? Думаешь, это был бы детектив с элементами мистики или просто классический хоррор?

– Ты подцепила от Себастьяна вирус трещотки? – вздохнула я. – Надо понимать, это передается через слюну...

– Не напоминай о нем больше! Только не после того, как он обрек нас на пешие прогулки по такой холодине и убил несчастных рыб!

Возразить против таких доводов было бы кощунством. Досады не вызвало лишь ружье, что он оставил нам напоследок и которое теперь же всю дорогу от фермы несла Флейта, бережно прижимая к груди, как новорожденное дитя. Когда от усталости она начинала проваливаться всугробы под его весом, любое предложение Криса перенять его на какое-то время вмиг возвращало ей бодрость. Флей приросла к карабину и не выносила даже мысли о разлуке со своим новым «защитным талисманом».

За густой лесной порослью показалась черепичная верхушка: выложенная из темных ромбиков высокая крыша со шпилем посередине, несколько затемненных окон и широкое крыльцо, выходящее прямо к песчаному подступу с видом на причал. Наверняка это была прекрасная обитель летом, когда все вокруг цвело и распускалось, а во дворе не выли стаи голодных волков, с которыми нам чудом до сих пор не выпала честь повстречаться лично. Сейчас же эта одноэтажная рыбацкая лачуга на одиноком холме, увешанная сосульками, выглядела

угнетающе. Когда Крис остановился прямо перед дверью, я засмотрелась на кривые тени под верандой, отбрасываемые закатным огнем, и, кубарем покотившись на скользких ступенях, вонзилась Роузу в спину.

Он снисходительно хмыкнул, подставляя мне свой локоть, который я неохотно приняла, чтобы выпрямиться и войти следом после того, как он, упорно налегая на дверь, рывком отломал ручку. Внутри оказалось еще темнее, чем становилось снаружи, и Флейта звонко чихнула от пыли, покрутив фонариком.

– Вы уверены, что здесь никто не живет? – осторожно спросила она, направляя луч света на аккуратно застеленный диван и стол, ломящийся от консервных банок.

Невзирая на клубящуюся пыль, этот дом и впрямь не походил на заброшенный. В гостиной пахло корицей и жженной солью, будто еще совсем недавно кто-то обедал пирогом с семьей. В кресле лежала стопка свежей одежды, а в камине возвышалась ровно уложенная кучка сухого можжевельного хвороста. Дом был явно подготовлен к тому, чтобы принять блуждающих путников, и это гостеприимство выглядело до того соблазнительно, что всякие видимые предостережения звучали белым шумом на фоне.

– Может, поищем другое место? – продолжала сомневаться Флейта, подвинув носком ботинка чьи-то плетенные сандалии из-под пуфика. – Если здесь кто-то живет, он наверняка скоро вернется...

– Если бы здесь кто-то жил, он бы не ушел разгуливать по окрестностям в ночь, – весело заметил Крис и вальяжно сбросил рюкзак прямо на пол, доставая из кармашка небольшую флягу с содержимым для розжига. Задержав руку над хворостом за секунду до того, как из горлышка полилось бы масло, Крис обернулся и саркастично добавил: – Но, если вам правда так не по себе, мы можем уйти и бродить хоть до утра. Оставим практически готовое спальное место, забудем про гору еды... У нас ведь с собой ее так много, правда?

Будто подтверждая безобразность этой альтернативы, где-то с другой стороны реки раздался уже знакомый вой – то ли волчий, то ли банши (и неизвестно, что хуже). Он звучал надрывно, близко и глумливо, словно издевка над теми, кому не посчастливилось остаться снаружи в такой час. Это ли сыграло роль или же нежелание прислушиваться к здравому рассудку ради еще хотя бы одной ночи в сносных условиях, но я тяжело вздохнула и тоже скинула свою сумку на ковер. Рядом приземлился небольшой рюкзачок Флейты с вышитой розой (когда-то бывший моим, а затем Барби), ее кожаный футляр с инструментом и заряженное ружье.

– Значит, мы остаемся, – удовлетворенно озвучил Крис и отправил почти догоревшую спичку в камин. Огонь ярко вспыхнул, и стены дома затрещали от долгожданного жара.

Продукты, которыми был завален стол, ни шли ни в какое сравнение с тем, что осталось в нашей заначке: все, чем мы могли довольствоваться по пути, было съедено, и остался лишь один злаковый батончик и пара пакетиков вяленой конины. На кухне же рыбацкого домика кто-то будто успел подготовиться к настоящему концу света (к еще одному!). Я прошла пальцами по этикеткам с консервированной кукурузой, томатному соку, домашним салатам, разным видам крупы и макарон, по банке с сухим молоком и даже по целой пачке с овсяным печеньем. Я долго рассматривала все это, прежде чем осмелилась взять одну из банок и, откупорив, с наслаждением высыпала в рот горстку засахаренных вишен.

Усевшись вокруг огня, стянув задеревеневшую одежду и укутавшись во флисовые одеяла, мы молча отужинали консервами, а на десерт разделили на троих банку со сгущенкой. Уже спустя полчаса Флейта свернулась в кресле в обнимку с ружьем, а я осталась одна, задумавшись над разгадкой этого дома и упустив из виду Криса. Когда мысли устаканились, а мое одиночество затянулось, я напряглась и, сбросив плед, бесшумно двинулась в соседнюю комнату. Приоткрытая в единственную спальню дверь едва слышно скрипнула, когда я прижалась к ней лбом, уловив в просвете между косяком мелькнувшую спину Роуза.

Он переодевался, стянув с себя джемпер и майку. Отложенная старая одежда оказалась насквозь влажной, как если бы он успел нырнуть в реку следом за катамараном, пока я не видела. Крис притащил с собой солнечный фонарь, найденный в коридоре, и в бликах его кожа мерцала от крупных градин пота. Лопатки, рельефно очерченные, были практически сведены вместе, а позвоночник то и дело сгибался вперед, будто Криса вот-вот грозило вывернуть наизнанку. Он принес с собой ведро растопленного снега и теперь же брilsя напротив зеркала в темноте, усердно избавляясь от любых намеков на щетину. В какой-то момент резко отшвырнув лезвие в миску и простояв в отчетливой дрожи несколько минут, он, наконец, успокоился и потянулся за свежей сорочкой. Крис выглядел заболевшим. Как будто отзвук того жесткого дневного самоконтроля и ярости, слишком долго запертой внутри...

Я слотнула, когда он, промокнув полотенцем волосы, повернулся:

– Я здоров, если ты хочешь спросить меня об этом. Просто весь взмок, пока мы добирались до сюда. Не хотел показывать, как сильно устал.

Сколько времени я смотрю на него и как долго он знает об этом? От первой же догадки меня бросило в не меньший озноб, что секунду назад терзал Криса. Я смутилась и переступила с ноги на ногу в дверном проеме.

– Ты мог простудиться.

– С каких пор ты строишь из себя любящую женушку?

Казалось бы, в его неожиданной резкости не должно было быть для меня ничего нового, и все же «на ощупь» это вдруг оказалось чем-то иным нежели его кровожадность или жестокость. Каждое слово Криса в мой адрес прежде было насквозь слащавым, как пропитанные коньячным сиропом коржи для торта. Он подставлял к горлу нож, а сам шептал, замороженно и горячо; шепот был липким, хищным, омерзительным... Но не острым и не холодным. Наверно, поэтому я так растерялась, удивленно наблюдая за тем, как сжались губы Криса, тоже молниеносно осознавшего то, что сорвалось с них.

– Подойди, – попросил он.

Стянутая в тугую пружину, готовая в любой момент ретироваться и выхватить у Флейты ружье, чтобы в очередной раз спустить курок, я приблизилась. Лелея в глубине души этот утешительный план самообороны, я встала рядом и почувствовала тонкий железистый запах, напоминающий смешение крови и пота. Едва мне хватило ума передумать и отстраниться, как Крис перегородил мне путь и пригвоздил к платяному шкафу. Я сдавленно вскрикнула, но недостаточно громко, чтобы быть услышанной.

Он молчал и смотрел, как и я. Оцепенев от ужаса, проклиная этот дом, оказавшийся для меня ловушкой, предательски севший голос и даже не вовремя заснувшую Флейту, я высоко задрала подбородок, чтобы зрительно сравняться с Крисом в росте. Он распростер пальцы над моей головой поверх края шкафа и потянулся навстречу.

– Ты убьешь Себастьяна? – спросила я тихо, лишь бы спросить хоть что-то и не дать ему поклониться ко мне слишком низко. – Если повстречаешь его...

– Почему ты спрашиваешь?

– Кажется, ты хотел доказать мне, что мне не надо тебя бояться, – шепнула я, облизнув пересошие губы, и тут же пожалела о содеянном: взгляд Криса впился в них, и, кажется, он в конец перестал меня слушать, затерявшись где-то в этом мимолетном жесте, показавшемся ему томным. – Поэтому был сам не свой, когда та выходка с лодками разозлила тебя. Ты ведь...

– Сдержался, хотя желал перевернуть все верх дном? – закончил он за меня. – Перебить всех, кто еще ходит и дышит на этой гребанной планете? Отыскать Себастьяна и заставить его пожалеть о своей насмешке?.. Да, так и было.

– Он души в тебе не чаёт, – произнесла я, и взгляд Криса снова сфокусировался на моем. – В том тебе, кто является его лучшим другом. Даже слепой бы заметил.

– Слепой заметил бы и ту ненависть, которую он питает ко мне такому, какой я есть сейчас, – хмыкнул он. – Со мной нынешним у него много своих незаконченных дел.

– Каких дел?

– Разных. Их множество. Его мать...

– Считает своим сыном тебя, а не Себастьяна, ты об этом?

– Ну... Почти.

Крис подавился причудливой усмешкой, и я мысленно пометила в голове этот пункт, который требовал больших разъяснений. Шершавые пальцы Роуза, освобожденные от прочных полицейских перчаток, легли на мою шею и несильно сдавили, отрывая затылок от опоры. Губы его походили на раскаленное стекло, гладкое и пронзающее – именно таким ощущался его поцелуй, когда Крис, обняв меня настолько крепко, чтобы я не смогла вырваться, примкнул к моему рту.

Лис и куропатка. Удав и кролик. Сова и мышь. Все жертвы своих природных хищников застывали в потрясении и надежде избежать смерти, прикинувшись мертвой дичью или частью бездушного леса. Так же застыла и я с застрявшим где-то глубоко в легких воздухом, который никак не решалась выпустить обратно. Крис впился ладонями в мою поясницу и насильно выгнул, вонзаясь в мои губы снова и снова, хотя я по-прежнему не отвечала ему. Это было совсем не так, как тогда на ферме, где он пытался взять меня силой. Теперь он не брал, а просил отдаться, и эта мольба не оставляла мне шанса. Опасаясь нечаянно вернуться к тому, с чего мы начали, – к битве со смертоносным бессмертным чудовищем, – я медленно погрузила в его влажные волосы пальцы до средней фаланги, и Крис облегченно застонал мне в губы, испуганно зажмурившись.

– Пожалуйста, – выдавил он так бледно и хрипло, что я едва отличила его шепот от скрипа оконных створок. – Пожалуйста...

Я не понимала, о чем конкретно он просит. Целовать его? Не отталкивать? Я знала лишь то, что, чем дольше не целовала его в ответ, тем нежнее и упрямее делал это он сам. И лишь сдавшись, заблудившись в собственных желаниях и действительности, я подставила кончик языка в ответ и позволила ему поцеловать меня так, как он целовал меня всегда раньше – с взаимностью. Я поцеловала его.

А затем сбежала. В тот момент мне показалось это единственным выходом: воспользовавшись податливостью Криса, я вывернулась, выскочила из хозяйской спальни и, на ходу застегнув куртку, пронеслась мимо спящей в кресле Флейты и вышибла плечом дверь, вывалившись на улицу. Я не знала, что собираюсь делать дальше – куда направляюсь, зачем и почему, но все равно бежала, не замечая ни воя диких зверей, ни мороза, ни грядущей впереди стены из спутанного леса.

Он догнал меня на моем десятом шаге, отдаляющемся от охотничьего домика, и, схватив за капюшон, повалил в сугроб. Взъерошенный снег поднялся в воздух, когда я, глухо вскрикнув, распласталась посреди холодного возвышения под тяжестью тела Криса. Я рефлекторно дернула коленями и локтями, выбивая из него протестующее мычание.

Мы сцепились узлом и застыли, взирая на потемневшие лица друг друга широко распахнутыми глазами. Когда из груди вырвалось первое облако пара, Крис наконец-то потянулся вниз и, вперившись в мои бедра своими, яростно поцеловал. Это было уже не так, как в доме – не осторожно и обессиленно, а страстно и разяще, будто уставшему путнику подали флягу с долгожданным глотком воды. Тело быстро занемело от холода даже под массой шерстяных одежд, и я охнула, когда под них проскользнули руки Криса. Горячие ладони опалили заледевший живот, и я съежилась в крупной дрожи от контраста между морозным воздухом, щиплющим щеки, и грубыми раскаленными ладонями, принявшимися ползти вверх к моей груди. Он неловко сдвинул мой бюстгальтер, и я прикусила его губы в поцелуе, когда он не остановился и принялся согреть ладонями всю меня целиком. А снег все падал, кружился в воз-

духе, танцевал, тая в волосах, на лбу, на языке и обнаженной шеи, когда Крис вцепился пальцами в мой шарф и оттянул его, чтобы добраться губами до ключичной ложбинки... Твердый пах прижался к низу моего живота. Запретная эйфория. Преступная связь. Хоровод бессвязного шепота, рваного дыхания и моих жалких попыток сопротивляться самой себе. Я хочу. Я не останавливаюсь. Я слаба.

Что же делать? Что делать, что делать...

Из последних крупниц отвращения я отвернула голову.

– Посмотри на меня, – хрипло шепнул Роуз, оставляя слюну на моем подбородке, которую холодный воздух тут же едва не превратил в тонкую корку льда. – Я скучаю по тебе. Ты рядом, но не со мной. Что мне сделать, чтобы привлечь твоё внимание? Чтобы заслужить тебя? Я стараюсь... Я знаю, что никогда не сумею стать таким, каким ты желаешь меня видеть, – Он прижался лбом к моему лбу и, шумно дыша, посмотрел мне в глаза. – Но во мне нет ничего, что не принадлежало бы тебе.

Я послушно посмотрела на него, и вдруг не почувствовала ничего из того, что останавливало меня прежде. Он взял в свою ладонь мою руку, сцепленную на его шее, и сместил к ребрам. Лишь ощутив под подушечками пальцев сильное и стремительное биение, я осознала, как легко Крис одет, выскочив за мной в одной только полурасстегнутой хлопковой сорочке. Но, судя по виду, его это не беспокоило. Он таял от внутреннего жара и продолжал удерживать мою ладонь на уровне своего сердца, а затем пояснил:

– Это тоже твоё, Джереми. Дай мне взамен хоть что-нибудь, что будет только моим.

Безнравственно ли пользовался он приемами Криса, взывая к моей влюбленности и отчаянию, или же действительно чувствовал это наравне с тем, что побуждало его расправляться с близкими и друзьями, испещряя этот мир сумасшествием и скверной... Что бы то ни было, это непростительно легко выбило меня из колеи. Тоска, слабость, ужас... Все смешалось, стирая границы дозволенного и вразумительного, разницу между праведными поступками и ужасными.

Плоть к плоти. Губы к губам. Сердце к сердцу. *«Вся твоя. Целиком. Отстань и больше не трогай... Нет, я вру. Держи!».*

Крис шустро расправился с пряжкой собственного ремня и потянул вниз к лодыжкам мои штаны. Он держался голой ладонью о снег, забыв о неприятной возможности обморожения, и не останавливался, даже когда стало слишком холодно для этого, слишком темно и слишком страшно. Лес позади гудел, как и моя голова, будто я выпила целый чан с медовухой или вином. Я сдалась, впившись ногтями в его живот и плечи под рубашкой, молясь о том, чтобы нечто дало мне сил прервать это раньше, чем стало бы слишком поздно. И нечто случилось, но вряд ли оно было лучше, чем участь отдаться психопату, лишившему меня будущего.

– Флейта, – выдохнула я, когда в рыбацкой лачуге затрещали стекла от женского визга.

Мне не потребовалось скидывать с себя Криса; он вскочил сам и, поправив одежду, кинулся следом за мной к крыльцу. Я неслась стремглав – от потенциальных хищников, жаждущих либо сожрать меня, либо раздеть; от того, что едва не случилось мгновение назад и от чувства вины, нагнетаемого мыслью, что во время нашего уединения с Флей могла случиться беда. Я буквально ворвалась в дом и, судорожно озираясь, увидела фонарь, тускло освещающий уже пустое кресло с ворохом одеял.

– Джейми!

Флейта стояла в центре кухни, а ее ружье было аккуратно наведено на нее саму в руках высокого мужчины, сливающегося с темнотой комнаты из-за болотного цвета куртки и нахлобученной на глаза меховой шапки, из-за которой он походил на медведя.

– Что вам нужно? – первой подала голос я, и ружье дернулось, выбрав новой целью меня.

– Нет, не так, – покачал головой мужчина, и его грубый бас выдал в нем солидный возраст и даже злоупотребление самогоном, бутылку которого мы отыскивали под столом и не стали трогать. – Что вам нужно в моем доме?

Флейта незаметно попятилась и натолкнулась спиной на фонарь, держащийся на крючке вешалок для одежды. Тусклый луч упал на сервиз и, отразившись, осветил угрюмое лицо рыболова с пролежнями морщин вокруг светлых глаз. Дулом нашего ружья он сдвинул шапку со лба и, фыркнув, еще раз осмотрел каждого из нас, включая Криса, тихо подкрадывающегося из-за моей спины.

– Мы думали, здесь никто не живет, – попыталась оправдаться я, нервно кусая щеку с внутренней стороны. – Остановились на ночь... Утром мы бы ушли.

– Вы конченные идиоты, если правда так решили, – хмыкнул мужчина и обвел ружьем поредевшую кучу продуктов на столе. – Или, по-вашему, собранная здесь еда не результат чужих усилий, а чудо Господне? Под шкафом даже стоит цистерна кипяченой воды!

– Мы очень наивные и религиозные, – миролюбиво улыбнулась я, но вряд ли столь неловкую ситуацию можно было так быстро сгладить одним лишь женским очарованием.

Рыболов привалился спиной к дверце неработающего холодильника и снова посмотрел на меня. В рассеянном по кухне свете он, кажется, наконец-то разглядел мое лицо, и я рефлекторно приподняла голову к лампе, снисходительно предоставляя ему такую возможность. Уголки его рта задумчиво втянулись. Больше всего на свете я боялась вовсе не того, что он спустит курок наставленного на кого-то из нас ружья; куда больше я боялась Криса и его безучастного молчания, которое всегда было ему чуждо.

– Ты похожа на мою дочь, которую они забрали, – прошептал мужчина. – У нее тоже были зеленые глаза.

– Кто ее забрал?

– Такие, как твой парень, который думает, будто я не вижу, что у него в руке нож.

Воцарившаяся тишина напомнила звук взорвавшегося тротила – оглушительная точка невозврата. Я повернула голову и взглянула на Криса, лишь жеманно оскалившегося в ответ на выпад рыболова: в прижатой к карману штанов руке он действительно сжимал кухонный нож, прихваченный с фермы.

– Вы ведь угрожаете нам нашим же оружием, – спокойно отозвался Крис, выступая вперед.

– А вы оккупировали мой дом, – напомнил тот. – Но это все неважно. Я помню тебя, – Рыболов резко отвернулся от Флей, и вот дуло ружья уже воткнулось Крису под шею. Он даже не шелохнулся, словно привыкший к такому положению вещей в своей жизни. – Помню твое лицо... Ты был с ними. Я никогда не забуду тот день, когда вы забрали мою девочку.

– Она была спящей, – мягко ответил Крис. – Она была опасна...

– Это вы так решили! – рыкнул рыболов, и его палец накрыл курок. – Вы лишили меня моей малышки, а теперь и все корабли испортили...

Флейта встрепенулась.

– Это был не он. Не мы, – затрясла головой она. – Другой человек. Если все эти лодки ваши... Извините, нам жаль, но это не мы слили топливо, и точно не мы отняли у вас дочь.

– Верно, – Мужчина вздохнул так глубоко и жадно, словно надеялся вобрать в себя весь воздух в комнате, и вызывающе ударил Криса ружьем в грудь. – Именно поэтому вас я отпускаю, а вот его – нет.

– Крис... – Я смотрела на него не первую минуту, в отчаянии пытаюсь уловить хоть какой-то кивок, хоть какой-то знак или жест, который мог бы подсказать мне, что делать дальше. Но он стоял и с вызовом взирав на пожилого рыболова, а когда тот снова закричал, чтобы мы убирались из его дома, невозмутимо произнес:

– Подождите меня снаружи.

Ночь. Холод. Скрипучие половицы и нож, который Крис по-прежнему сжимал с такой силой, что налились сухожилия. Безмолвие. Флейта молча схватила рюкзак, в отличие от меня не проворонив выпавшую возможность, но тут карабин покачнулся.

– Без вещей, – строго отозвался рыболов, и едва Флей успела открыть рот, как он раздраженно рывкнул: – Вы забрали мое, а я – ваше. Либо так, либо никак! Я и так слишком добр. – Футляр... – жалобно всхлипнула она. – Я музыкант. Там моя флейта. Можно я...

Мужчина бросил на нее вопрошающий взгляд, и Флейта едва не задохнулась от облегчения, когда он сам схватил небольшой черный чемоданчик и швырнул его ей в ноги. Вцепившись в футляр пальцами, она схватила с вешалки куртку, а другой рукой меня, и силком вытянула на улицу.

Лишь когда мороз забрался под расстегнутую куртку и скрутил пальцы, напомнив об брошенных в доме перчатках, я пришла в себя.

– Нет, – ахнула я, вырвав запястье из ладони Флейты, панически мчащейся неизвестно куда. – Мы ведь не можем оставить его там... Если все это правда, и Прайд забрал дочь того человека... Он не оставит его в живых!

– Фактически он и нас в живых не оставил, – стуча зубами, прошипела Флейта. – Он забрал все наши вещи, Джейми, и выгнал. Ночью! На Аляске! Если мы не замерзнем здесь насмерть, то все равно не доберемся до Прайда одни. Эта его гуманность к нам как мертвому припарка. Он обрек нас на мучительную смерть!

Волчье завывание со стороны леса заставило Флейту затихнуть. Она затопталась на месте, завертелась и завела за голову футляр. Тени леса заплясали, расступились, и несколько сумрачных пятен отделились от нависающих верхушек сосен, принимая очертания зубастых пастей и вздыбленных коричневых холков.

Мы обе попятились к дому, надеясь спрятаться от охоты, пока подошва ботинок не поехала на скользких ступеньках, и я не упала.

– Они все равно учуют нас, – поняла я. – Играй.

– Что? – Флейта притаилась за деревянным поручнем, сцепив пальцы замком на продолговатом чехле.

– Играй, – повторила я уже громче, расслышав надвигающийся голодный рев. – Доставай свою трубу и заводи шарманку!

В карих глазах Флейты застыло непонимание, но она бессознательно принялась расправляться с замочком чемоданчика, выживая из обшитого мягким бархатом нутра изящную позолоту. До сих пор не понимая смысла моего приказа, она послушно обхватила пальцами увитую лозами головку флейты и втянула носом порывистый ветер, выдыхая его в нежную пронзительную мелодию.

Несколько минут ничего не происходило. Волчья стая разбрелась по территории причала и холма, вынюхивая след, пока несколько животных не устремились на нас. Флейта дернулась, и мелодия сорвалась.

– Играй дальше! – вскрикнула я, и Флейта, стараясь не сбивать дыхание от сковавших горло рыданий, возобновила такт.

То, что она играла, не несло смысла. Каждый раз, стоило ей излить музыку, как глаза застлала простора ее фантазии – близкие люди, невиданные места, воспоминания... Сейчас же музыка была сплетена из страха – пустого, бессмысленного и беспощадного. Такая музыка не работала.

– Колыбельная! – опомнилась я. – Ты рассказывала, как играла раненному Грейсу в автобусе, чтобы он спал... Сыграй колыбельную!

Флейта запнулась, лихорадочно вспоминая ноты, и часто закивала головой. Массивный бурый волк, первым выступивший из леса, пригнулся к земле, стремительно сокращая между нами дистанцию. Флейта запрокинула инструмент к небу и заиграла с удвоенной силой.

Утробный рык перебил произвольный волчий зев. Привалившись пузом к промерзшей земле, зверь оцепенел, наострив уши. Пасть сомкнулась, и широкий влажный язык слизнул снег с шерсти на морде. Он заскулил, а затем прижал хвост к копчику и сложил передние лапы, улегшись. Белоснежный же волк, решившийся подступиться вторым, рухнул тоже, сонно завалившись на бок. Будто заподозрив уловку, другие закружили вокруг домика, но, нагнавшись на судьбу братьев, не подступали, водя носом по воздуху, словно граница магической музыки Флейты была осязаема, и они четко видели круг ее воздействия. Волки зевали, но боролись с полудремой и отшатывались назад, пока некоторые из них, помельче и послабее, растягивались на снегу и похрапывали. Я захотела спать тоже: веки буквально налились свинцом, а язык онемел, с трудом ворочаясь во рту. Заставив себя подняться и отряхнуться, я пробормотала:

– Не переставай играть.

И прытко устремилась прочь от рыбацкой лачуги к причалу, пока наваждение Морфея не забрало меня окончательно. Флейта замычала, и мелодия зазвучала отрывисто. Волки поодаль забрыкались, сдергивая навешенную пелену и барахтаясь.

– Не останавливайся! Соберись! – крикнула я, и Флейта, затравленно жмурясь, боязливо заиграла дальше. Я же сорвалась на бег и в несколько рывков добралась до причала. Ладони и стопы морозил холод, редкий снег сыпал сверху, мешая обзору, но я следовала маршруту по памяти, напрямик к тому, что могло выиграть шанс для всех нас.

Отодвинув от навеса хлипкий ящик, я достала оттуда целый сверток фейерверков и, дотащив до середины моста, расчистила небольшое пространство. Озноб и тремор сделал пальцы совсем непослушными. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мне удалось отыскать хотя бы один сухой фитиль и подпалить его зажигалкой. Сначала скудные и бледные, искры вдруг ударили снопом верх и перекинулись на все содержимое коробки. Радостно взвизгнув, я отскочила, забираясь обратно на холм в томительном ожидании.

Небо разразилось громяющим разноцветным огнем, и весь окружающий шум утонул в этих всполохах. Грохот прокатился по всему берегу, как и свет, похожий на северное сияние, только огненное и праздничное. Мир словно взорвался тоже – отовсюду раздался испуганный скулеж, и не оставалось сомнений, что волки бросились врассыпную. Я запрокинула лицо вверх, позволяя себе упиваться спасительным шоу и не слышать, как эти раскаты поглощают и мужской крик, донесшийся из рыбацкого дома одновременно с выстрелом ружья. Тот крик звучал незнакомо, и во рту будто растеклась кислинка лимонной конфеты со взрывной карамелью – счастье напополам с сожалением.

«Он не оставит его в живых».

Я не смогла спасти рыболова. Крис спустился с холма сразу же, как расправился с ним – ободранный и запятнанный с ног до головы в вязких багровых пятнах, отливающих гляncем в небесных огнях. Этого и следовало ожидать. Для несчастного мужчины, потерявшего дочь, все было предрешено: я лишь могла пожелать ему легкой смерти, зная, на что способен Роуз один на один с тем, кто задел его гордость или подвел. Эта участь рано или поздно ждет и Себастьяна – я поняла это еще тогда, когда он потерял дар речи перед оскорбительными синими буквами. То был не шок... То была ярость, ледяная и безумная, с которой однажды предстояло столкнуться и мне.

«Он не оставит его в живых». Крис Роуз не оставит в живых никого. Это факт.

Позади Криса я увидела миниатюрную точеную фигурку, несущую в руке флейту без футляра, и от навалившейся слабости даже не испугалась, когда один из крупных волков решил напоследок отомстить добыче, посмеявшейся прогнать его стаю. Я лишь погрузила голые пальцы в снег и пригнулась, когда Крис, подоспев, закрыл рукой мою шею, куда выпрыгнувший из-за станда зверь намеревался вцепиться. Вместо этого волк вонзил зубы в рукав его куртки и принялся рьяно грызть, раздирая ткань и живую плоть, но Роуз даже не вскрикнул: он протянул

вторую руку и, сам забравшись ею в пасть волка, потянул ладони в противоположные стороны. Все, что я успела узнать о нем, уверенно твердило, что учинить смерть для него сродни глотку лимонада – так же просто, так же обыденно и так же приятно. Никто не убивал со спокойной душой, как это делал Крис: челюсть волка хрустнула, разломанная пополам и искореженная, и животное упало бездыханной тушей, сверкая вывалившимися внутренностями. Крис обтер капающую кровь о штанину и безучастно отвернулся, даже не чувствуя боли.

Я опустилась на колени в сугроб и заплакала. Помпезная красота и лишенная смысла смерть. Выживание и обреченность. Утрата... А затем обретение нового.

– Смотрите! – воскликнула Флейта, задрал голову.

Лавируя между лиловыми и янтарными вспышками нескончаемого дождя из фейерверков, со стороны аэропорта Анкориджа показали крылья самолетов-кукурузников. «Львиной доле» – гласила надпись на боковой части приближающегося за ними вертолета, и, когда я сморгнула слезы и сумела разглядеть ее продолжение, тянущиеся вдоль хвоста, Крис торжественно озвучил:

– «Львиной доле – львиный дом. Я повинуюсь этим силам».

Прайд.

29. В пасти у зверя

С высоты птичьего полета заснеженные холмы Аляски походили на шкуру белого медведя: ровный слой снега, шерстистый и махровый, накренил под своей тяжестью каждое деревце и укрыл крыши домов, прогнивающих в тоске по сгинувшему человечеству. Взгромоздившись рядом с одним из вооруженных мужчин, спрятавших лицо под козырьком кепки с символикой армии США, я заглушила симптомы аэрофобии и постаралась упиваться прекрасным. Еще на второй минуте полета мой взгляд рассредоточился где-то на нижних просторах, размытых в ночи и далеких от набранной вертолетом высоты. Пока мои мысли прибывали в ледяном покое, я только радовалась последствиям шока и боялась отвлечься на что-то существенное. Казалось, будто стоит мне сконцентрироваться на чем-то одном, как круг сомкнется – одно и то же, одно и то же... Мысленное чистилище. Ужас вернется, паника судорогой скрутит пальцы, а я попытаюсь выпрыгнуть из вертолета прямо на ходу, не в силах совладать с эмоциональным потрясением.

Крис убил человека, который и так настрадался достаточно. Меня чуть заживо не сожрала стая голодных волков. Нас подобрали летчики Прайда. Мы достигли своей цели. И... Нет идей. Нет инструкций. Нет будущего. Никто из нас не верил, что мы заберемся так далеко.

– Эй, – Встревоженный голос Флейты вернул меня в реальность, и я заметила, что она держит меня за локоть, а я сама, вытянув ноги, свесилась над кружащимися пейзажами. – Ты удумала самоубийство?

Вертолет принадлежал к типу разведывательных, и полностью двери в кабину здесь не закрывались принципиально. Крепко пристегнутая, чтобы не выпасть от воздушной встряски и не вывалиться, я непроизвольно тянулась прямоком в узкое распаханное пространство – уйти, исчезнуть, умереть. Флейта была права... Поэтому все, что я смогла сделать в ответ – это отрезвлено отдернуться назад и, вжавшись в спинку сидения, повернуться внутрь салона.

Крис с хирургической аккуратностью обрабатывал прокушенную насквозь ладонь. Как и тогда под выстрелами фейерверков, так и сейчас он даже не морщил нос: об испытываемой им боли свидетельствовали лишь вены, выступившие на висках. Держа на коленях полевую аптечку, он обрабатывал жидким антисептиком укус, а затем присыпал его сверху каким-то серебристым противовоспалительным порошком, похожим на сухую глину. Челюсть у волка оказалась внушительной: вся она отпечаталась на его коже раной с рваными краями, обрамленной углублениями от острых клыков. Покрасневшая и вздувшаяся, его ладонь скоро скрылась под бинтом, который Крис заткнул в несколько плотных слоев. Лишь закончив перевязь, он позволил себе скривиться, а затем посмотрел на меня:

– Завяжешь?

Я не думала, что он так скоро заговорит со мной после произошедшего. Крис будто забыл о том своем благородном жесте на холме, а потому ни разу не взглянул на меня за все сорок минут полета. Хотя, быть может, дело было всего-навсего в его занятости тем, как бы остановить кровь и не подхватить столбняк или бешенство...

– У Флейты лучше получится, – проблеяла я не своим голосом.

Флейта протестующе замычала, и Крис хмыкнул. Лишь мы оба знали о том диалоге возле камина на ферме, когда связанный Роуз выбрался из чулана под лестницей и грозился вспороть Флейте гортань мясницким тесаком. Тогда он сделал комплимент ее узлам, показывая обрывки проволочной веревки...

– Попробуй ты.

Он будто специально расшевеливал меня, когда мне же хотелось свернуться калачиком под сидениями и оставаться нетронутой. Обреченно вздохнув, я взялась за его протянутую руку и попыталась соединить края бинта воедино. Пальцы не слушались, но Крис терпеливо ждал, взирая на это с учительской непосредственностью, а затем и вовсе принялся отстранено смотреть в проем вертолета. Он наклонился, почти свесившись над землей в десятках километров внизу, и замер с широко раскрытым ртом.

– Будет неплохо, если он вывалится, – прошептала мне на ухо Флей. – Может, подтолкнем? Скажем, что это вертолет трянуло... Чем он вообще занят?

– Я ловлю снежинки, – невозмутимо отозвался Крис и действительно словил одну из них языком. – Поймал!

Лопасты крутились слишком быстро и развеивали снегопад, но несколько ледяных крупиц прорвалось. Осознав, что, если Крис услышал ее вопрос, то расслышал и все остальное, Флейта побледнела и задумчиво проверила ремень поперек своей груди – надежно ли он пристегнут.

– Как прибудем, отыщи Тото и других, – одними губами сказала ей я, и Флейта понятливо кивнула. – Остальное я беру на себя.

А в это «остальное» входили и потенциальная угроза под именем Сара, и спятившая кучка новой интеллигенции, и двуличный шизофренический Крис Роуз. Хм, пожалуй, стоило позаботиться о более справедливом распределении обязанностей...

Вертолет резко накренился в сторону, и я едва не вцепилась в раненную ладонь Криса ногтями. Новый всплеск адреналина вернул сосредоточие, и, управившись с узлом за пару секунд, я ухватилась за поручень над отверстием, где должна была смыкаться закрепленная дверь, и высунулась.

– Мы дома, – улыбнулся Крис, но его воодушевления я не разделяла.

Пока вертолет садился, мысли в моей голове роились. Отрезвевшая, я вдруг поняла, что абсолютно озадачена. *Эшли...* На ум приходил только Эшли – давно забытая цель, столько раз откладываемая на неопределенный срок. Пора! Лихорадочно соображая, я наклонилась к Крису и поймала его взгляд.

– Ты обещал...

– Я помню, что обещал. Я сдержу свое слово. Ты что, боишься? – Мне показалось, что я вижу в его глазах злорадство. Крис снисходительно улыбнулся и тронул мое плечо здоровой рукой, покрутив перед собой той, что была прокушена и перевязана. – Боишься... Правильно, но неразумно. Безопасность – главное из того, что я могу тебе гарантировать, пока ты рядом со мной, – И эхом он повторил, сам задумавшись над своими словами: – Но только пока ты рядом...

Мне почудилась угроза, но в таком состоянии я не могла доверять своему чутью на все сто. Сейчас мне бы померещился и дракон вместо дворовой собаки. Вертолет плавно приземлился, и лопасти подняли в воздух вихрь. Когда салон стабилизировался, прекратив движение, и несколько наших сопровождающих выбрались наружу, я протерла глаза от пыльной пелены на линзах и огляделась.

Аэропорт Анкориджа состоял из Северного и Южного терминалов, которые в свою очередь располагали несколькими взлетными полосами и многочисленными конкурсами для массового стока пассажиров. По надписям Frontier Airlines из Денвера и вывеске с указателем «Окна для прибывших из Квебека» я поняла, что ключевым терминалом Прайд избрал именно Южный. И эта завуалированная дань происхождению забавляла, если учитывать тот факт, что их предводительница, – Сара, мать Себастьяна, – сама была родом из Канады.

Северный терминал виднелся за гаражами, но сложно было разглядеть, что за черные точки (люди?) там мельтешат. Основной корпус аэропорта, с которым вертолетную площадку разделяло несколько ярдов, был увит огнями, как виноградными лозами: рождественские гир-

лянды украшали вход, столбы и перекладины, то ли служа маяком во тьме для посадки еще кружащих в выси кукурузников, то ли в качестве основного освещения. А, может, праздник ради самого праздника?

– Рождество... – вторила моим мыслям Флейта. – А когда оно, кстати? Какое сегодня число?

– Почти то самое. Двадцатое декабря, – ответил Крис и резво выскочил из вертолета.

Я вышла последней, пропустив вперед всех пилотов, их помощников и даже Флейту. Больше всего я жалела о ружье, которое нам велели оставить на ферме. Рюкзаки из лачуги вынес Крис – мы обе решили, что не испытываем надобности лицезреть окровавленное месиво из рыбака в прихожей.

Обнимая запятнанный углем бельевой мешок, я набрала в легкие побольше воздуха и шагнула следом за друзьями. Стоило нам сойтись втроем на площадке, как из снежного бурана и цветных вспышек показалась *она* – высокая тонкая фигура с длинным подолом зимнего пальто, тянущимся за ней парадным шлейфом.

– Льву невдомек, что его узы с прайдом похожи на цепи, – Мелодичный, но искусственный голос, скрипящий и режущий, словно кошачьи когти по стеклу. – Они тянут назад, пока он гуляет, поэтому лев всегда возвращается. И, разумеется, с добычей, пусть охота – не его удел. Природа не только львиная, но и мужская. Согласен, Роуз?

Мягкой неспешной поступью Сара дошла до открытого пространства, где бы ее можно было разглядеть, не жмурясь от яркого неона прожекторов и настырной пурги. Рядом с ней вырисовался еще один человеческий силуэт: коренастый и широкоплечий юноша азиатской внешности с натянутым на волосы капюшоном, прикрывающим миндалевидные оливки глаз. Поправив пальцами высокий ворот пальто, обшитый натуральными черными мехами до самых ключиц, Сара смахнула назад волосы, сливающиеся с ним по цвету: угольные до синевы вороньего крыла, прямо как у Себастьяна. Невзирая на некоторые различия, их кровное родство бросалось в глаза: Сара была точной копией сына, только женской, зрелой и уж гораздо более статной. Прямой узкий нос, пухлые губы, острые скулы без малейшего намека на румянец даже в такой лютой мороз. В обрамлении густых ресниц, закрученных вверх водостойкой фиолетовой тушью, горели два глаза, гетерохромия которых не была столь отчетлива, чтобы я заметила это сразу: один глаз тепло-ореховый, как у Себастьяна, а второй желто-янтарный, точно у одного из тех волков, что пытались отужинать нами накануне.

Необъяснимый магнетизм опьянял рядом с этой высокой бледной женщиной, выделяющейся на фоне остальных болезненной худобой и почти физически осязаемым ореолом силы. Тошнотворное наваждение, от которого мне помог отвлечься лишь шепот Криса, неожиданно надрывный, жалобный и... Испуганный?

– Каларатри, – успел вздохнуть он, как у него в прямом смысле подкосились колени.

Шагнув вперед, он будто бы споткнулся и рухнул на землю, присев в носках ее сапог. Зубы у Сары казались заостренными, как клыки, чуть неровными, но вместе складывающимися в малодушную жеманную улыбку. Она поддела указательным пальцем в кожаной перчатке подбородок Криса, уже успевший покрыться легкой небритостью, и пригладила другой рукой его волосы.

– Брось эту манерность, Кристофер. Воссоединение с блудным сыном не терпит церемоний.

Крис обезумел от страха – я была точно убеждена в этом, ведь провела с ним отнюдь не один день, не одну неделю и даже не один месяц. Любая слабость давалась ему с завидной редкостью, но с невероятной тяжестью – как непосильный груз, с которым ему было не примириться. Каждый раз, как я смела заметить отпечатавшуюся на его лице тень сомнения или боязни, он надевал непроницаемую маску и шел вперед – неважно куда, просто шел и делал то, что от него требовалось. Он боролся, безустанно, упрямо, самозабвенно, но в пережитках

того ужаса, что я видела сейчас, не было следов борьбы. Крис податливо склонился, прерывисто дыша, и, робко подняв на Сару глаза, так и не решился подняться, пока она не обняла его за плечи и не выпрямила насильно.

Сара приложила ладонь к его груди, почти сравнившись с ним ростом, а затем поцеловала его. Флейта у меня над ухом с отвращением ахнула. Сара целовала Криса прямо в губы – долго, нежно и глубоко, как целовал меня он в лучшие наши моменты. Все нутро взбунтовалась и скрутилось в тугий комок, сгорая – металл, мучительно растекшийся до самой макушки, звучал на языке ртутным привкусом и желчью. Меня замутило, и я обмякла, привалившись к Флейте как к надежной опоре.

Старше его на пару десятков лет, Сара, очевидно, отнюдь не смущалась этой разницы, пока Крис просто закрывал глаза, послушно подставляя губы. Сломленный былыми пытками Прайда, а потому столь покорно принимающий в себя волю их предводительницы? Совсем съехавший с катушек? Или... Влюбленный не в одну меня?

«У Криса с моей матерью отношения всегда были... особые», – хмыкнул как-то раз за столом Себастьян перед тем, как разговор утек в другое русло. Он говорил, что Крис был ей сыном больше, чем довелось за всю жизнь побыть сыном самому Себастьяну... А Крис что-то невнятно мычал, когда я пыталась расспросить его об этом.

Крис ей сын? Крис ей и... *Любовник?*

– Мышка выглядит нездоровой, – мягко произнесла Сара, посмотрев на меня. – Шон, приведи доктора.

Раскосый юноша, призраком держащийся за ее спиной, стянул назад капюшон, подставляя холоду длинную рыжую гриву. Крис медленно отстранился и повернулся: будто облитый ледяной водой, он окаменел и даже не ухмылялся. Что-то изменилось после одного единственного поцелуя, а, может, даже в тот момент, когда Роуз увидел Сару впервые за такое долгое время. Что-то неразрывно связывало их двоих, и, притронувшись к нему, мать Себастьяна вернула эти оковы.

Ненатурально. Театрально. Магия...

Какой у Сары дар?

– Тебя укачало в полете? – нахмурилась Сара с внезапной материнской заботой и шагнула навстречу. Я рефлекторно отшатнулась, стоило ей протянуть руку, пытаюсь дотянуться до моей щеки.

– Не трогайте, – предупредила я.

Сара удивленно моргнула, но отошла.

– Джейми, – Она цокнула языком, смакуя мое имя, которое, вероятно, могла узнать от Джесс или еще каких своих приятелей. Не застав меня от этого потрясенной, она разочарованно пожала плечами. – Я рада познакомиться с тобой, Джейми. Меня зовут Сара Кали, а там стоит мой защитник Шон Тао. А ты, должно быть, Элис... – Она перевела взгляд на дрогнувшую Флей. – Или тебе больше по душе, когда тебя ассоциируют с твоим инструментом? Единственное имя помимо имени своей сестры, которое выкрикивает Тото во снах – это еще и твое имя.

Больное место. Правильный рычаг. Не знаю, что видели в тот момент другие в речах Сары, но я видела сплошную манипуляцию, и Флейта беспрекословно поддалась ей, как то было выгодно им обоим: она приблизилась и вскинула подбородок, пускай по-прежнему оставалась неподобающе низкой и миниатюрной.

– Где он? Что вы с ним сделали? Наши друзья...

– В безопасности, – спокойно ответила Сара, и это звучало как правда. – Похоже, вы наслушались всяких ужасов о нас, но все мы здесь ведь взрослые люди: недопустимо позволять завистливым недоброжелателям заведомо формировать наше мнение. У нас не принято молиться в обеденный перерыв, наизусть зачитывать какой-нибудь сектантский гимн или

устраивать жертвоприношения... Никто не собирается обижать вас. Особенно тебя, *щит*, – улыбнулась она Флейте, а затем и мне. – И тебя, мой новый *ловец*.

Я сжала губы и проследила за Сарой, смахнувший снег со своего мехового воротника. Свет гирлянд вдруг пошел рябью, бросился в глаза, заставляя приставить ладонь к лицу. До этого немой Шон Тао вскрикнул и отпрыгнул в сторону, когда пространство перед ним заплесало невидимой дымкой, а затем расступилось, пропуская буквально из ниоткуда маленького смуглокожего мальчика.

– Крис!

– Ливви! – испуганно воскликнула Сара. – Мы ведь обсуждали это. Ты не можешь вот так являться без спроса там, где тебе вздумается!

Пропуская мимо ушей столь родительские замечания, мальчик кинулся в сторону Криса, но покачнулся и пробежал бы мимо, если бы тот не подловил его рукой за шкурку. Лишь тогда заметив, что мутные глаза мальчика незрячи, я вопросительно приоткрыла рот, но не решилась издать ни звука. Мальчик прижимался к Крису, как к родному отцу, обвинив тонкими ручками его шею, когда он наклонился в ответ. Одетый в одну легкую рубашку, тот забыл о морозе, вцепившись в Роуза так намертво, что их было бы не разнять и клешнями.

– Ты вернулся, – запищал ребенок. – Я знал, что это сработает! Ты пришел!

– Оливий, – выдохнул Крис, но в его голосе не было той жизнерадостности, какую я ожидала услышать. Бесцветный, грубоватый и... Раздраженный.

Я вспомнила все, что было раньше: упоминания Себастьяна о падении Криса с дерева, это имя, красоту которого мысленно отметила про себя еще тогда, и обещания Роуза перенести меня к брату посредством силы своего друга из Прайда. Слепой мальчик по имени Лив, способный посетить любую точку земного шара... И сбросивший его с высоты, зная, что, если Крис перестанет быть собой, то тот, кем он сделается, точно захочет вернуться в Прайд. Чертовски продуманная мелюзга!

– Вы замерзли, девочки, – заметила сей факт Сара любезно. – Хватит болтать на морозе! Пойдемте внутрь.

Оливий мельком оглянулся на нас с Флейтой, – так, будто хотел окинуть оценивающим взглядом, если бы только мог, – а затем улыбнулся чему-то в своей голове и, ухватив Криса за руку, побрел по дорожке. Мы с Флей пошли следом, намеренно чуть отставая позади.

– Она явно поехавшая, – шепнула подруга. – Старая извращенка! Теперь понятно, чего Себастьян спасался от нее бегством. Еще неизвестно, сколько раз ему приходилось становиться очевидцем подобных зрелищ... В таком случае, его право ненавидеть Роуза не вилами по воде писано. Ой... Извини.

– Не страшно, – отмахнулась я. – Это давно не тот Крис, с которым мы делили убежище в МЗВ. Это даже не тот Крис, что убивает людей... Ты видела, как он смотрел на Сару сначала? До того, как она поцеловала его и что-то сделала с ним. Он знал, что сейчас будет. Он... боится ее. Может, это какое-нибудь колдовство вроде твоей музыки?

– Джем, ты ведь знаешь, что я всегда и во всем поддерживаю тебя, но... – Флейта шмыгнула носом, зябко ежась от усиливающегося бурана, пока мы бежали по дороге к стеклянным дверям. – Сейчас это звучит как утешение твоего разбитого сердца.

– Мое сердце не разбито, – резко, почти агрессивно парировала я. – Оно пылает от бешенства.

И это было так. Я не сводила со спины Сары взгляда, вбирая в себя каждый ее жест, каждый взмах ресниц, каждое движение узкой грудной клетки в учащенной дыхании. Крис же будто прогуливался до родового гнезда – не оглядываясь по сторонам, а ступал решительно как по давно протоптанной тропе. Я была готова расплакаться от обиды, возмущения и ужаса, но ключ тайлся в злости – нет ничего страшного, когда тебе кажется, что ненависть твоя спо-

собна уничтожить все живое на этом свете. А, видит Бог, моя ненависть нынче была способна и не на такое.

Я сжала пальцы в карманах куртки и зашла в терминал. У нас тут же забрали наши сумки с вещами (там и трястись было особо не за что, разве что за свежие трусы). Оранжевые надписи, освещение и даже периодические команды по микрофону определенным группам людей, пронумерованным по буквам греческого алфавита, а также мелодия транслируемых записей радио – все в аэропорту работало исправно, разве что пассажирские лайнеры больше не летали. Мы прошли до отсека С и остановились возле широкого окна, открывающего вид на несколько полос с самолетами, к которым откуда-то сверху тянулись состыковочные трапы. На одном из них красовалась надпись «*Alaska Central Express*».

– В самолетах мы ночуем. Примерно человек семь на один салон, – принялась рассказывать Сара, жестикулируя, как если бы проводила будничную экскурсию где-нибудь в Лувре. – Сновидцы, – те, кто обычно следят за порядком в системе, – живут непосредственно в терминале. Лично я предпочла построить для себя башню над центральным залом. На это ушло несколько месяцев, куча стройматериалов и мебели из IKEA, но какой же оттуда открывается вид! – замороженно поделилась она.

Флейта встала рядом со скучающим видом и даже периодически притоптывала ногой в такт ее рассказу. Ей не терпелось ринуться к друзьям, и я не посмела бы упрекнуть ее в этом, ведь именно за этим мы здесь – каждый с возложенной на него задачей. Посильной или же нет – выяснится по пути.

– Ах, вам невтерпеж побеседовать с близкими, я права? – заметила она, наконец. – Элис!

Непонимающе оглянувшись в сторону, куда Сара взмахнула рукой, растрепав широкий рукав мехового пальто, Флейта затаила дыхание. Я проследила за ее взглядом и смолкла тоже, постепенно узнавая в очертаниях ступающего по коридору юноши знакомую неуклюжесть, массивность шагов и продавленную хромоту, когда тот чуть нагибался вперед, придерживая руку у бока, словно из дыры в нем могли нечаянно вывалиться все ребра.

– Какого хрена вы здесь забыли? – фыркнул Грейс так, будто мы все еще безуданно мусолили ему глаза каждый день.

Я невольно улыбнулась. Едва ли Грейс мог изречь нечто более убедительное, чем это. Флейта была легкой, но для Грейса в таком его состоянии весила как пара мешков с цементом: парень жалобно ойкнул, утянутый куда-то вниз, когда она повисла на его шее.

– Ты выздоровел, – взвизгнула она, и я с удивлением отметила, как порозовели у Грейса щеки, когда он с неуверенной ласковостью обнял ее в ответ.

– У них здесь умелый док, пусть и кормят дерьмово для таких апартаментов, – хмыкнул Грейс, и взгляд его предельно медленно, а оттого и внимательно обвел каждого из нас.

Задержался он лишь на Крисе, но не переменился. Между ними будто за несколько секунд произошел телепатический диалог, и Крис, странно нахмурившись, резко завел о чем-то непринужденную беседу со светящимся от счастья Оливием, так и не с Грейсом поздоровавшись вслух.

Хмыкнув, Грейс моментально забыл о его существовании и теперь же во все глаза уставился на меня.

– Ну ты и дура, – вырвалось вдруг у него, но он тут же закашлялся и замолчал, как если бы начал делать то, что прежде для него было даже немыслимо – с особой тщательностью подбирать слова: – То есть... Я имел ввиду, ты дура, что шла так долго. Рад тебя видеть... Хм, да, сам не верю, что это говорю. Вам тут... Понравится. Я уверен.

Я чувствовала себя неудобно, но не знала, от чего именно: от резкой смены модели поведения Грейса, неподдающейся логическому объяснению, или же от Сары и Шона, безмолвно лицезрящих весь этот показной цирк. Одна только Флейта искрилась честным восторгом и пританцовывала от возбуждения. Что-то в этом мире никогда не меняется.

– У меня славная идея, – воскликнула Сара, ударив в ладони. – Почему бы Грейсу не сопроводить Элис к вашим друзьям, а Крису не побыть вместе с Оливием, раз все они так сильно соскучились друг по другу? Я же закончу для Джейми экскурсию...

Звучало это так, будто закончить для меня она планировала не экскурсию, а саму жизнь, но все, что я смогла сделать – это сдавленно кивнуть испуганно сжавшейся Флейте, которой эта идея пришла по душе ничуть не больше.

Ее задача – наши друзья. Моя – все остальное. Так было условлено – так и должно быть сделано. Оставалось надеяться, что не я одна помню об этом. Благо, надежды мои оправдались: Флейта обняла Грейса, и вместе они послушно двинулись к дальнему концу терминала.

– Увидимся, *Джем*.

– Увидимся, *Флей*.

Я отказалась смотреть ей вслед, чтобы не ассоциировать это с прощанием, но зато посмотрела в спину Крису: тот обернулся на полпути в сторону, куда вел его мальчик, и было нечто тревожное в этом его взгляде, отчего кожа стала гусиной. Он не хотел оставлять меня здесь одну, но те цепи, что Сара протянула между ними двумя, вели его в любом из направлений, куда она только укажет пальцем. От этого злость вернулась, а вместе с ней и спасительная храбрость.

– Ну что, – улыбнулась я. – Продолжим?

Каждый этаж аэропорта был обставлен с таким изыском и вкусом, как, пожалуй, в нормальные времена не были обставлены и многие дома зажиточных американцев. Сара свезла сюда все, что только приглянулось ее меткому взору из близлежащих городов: устаревшие игровые автоматы, которым давно место на свалке; резиновых уточек, гравюры, канделябры и свечи с ароматом свежеиспеченных булочек с яблоками, шерстяные ковры, искусственные цветы... Жители аэропорта будто не замечали нас: кто-то запаивал протекающую крышу, нахлобучив сварочную маску, а кто-то развозил дневную порцию молока на роликах и самокате. Большинство предпочитало ходить здесь прямо в домашних пушистых тапочках, а одна девушка, прошедшая мимо, красовалась в струящемся в пол вечернем платье. Это напоминало одновременно и райский уголок, и психиатрическую больницу, и рабочий дом. Делом здесь были заняты все и каждый, и именно это было страннее всего: ни секунды на отвлечение, ни мига даже на простое приветствие своего шествующего мимо лидера. Сара улыбалась им, а они не улыбались в ответ и продолжали работать. Идеальный порядок, так похожий на колонию строгого режима.

– Как я и говорила, все мои мучения того стоили. Лучшая точка во всем Анкоридже!

Я поняла, что Сара имела ввиду под этими словами, лишь когда оказалась внутри за круглой дверью, что автоматически отворилась для нас после подъема в верхнюю башню. Пункт этот, оборудованный и одновременно под рабочий кабинет, и под спальню, был усеян таким количеством художественного барахла, какое я не успела повидать за всю свою жизнь – личная коллекция Сары, и о каждой своей достопримечательности она разглагольствовала взахлеб, не забывая углубляться в излюбленные исторические детали. Я абсолютно ее не слушала, запрокинув голову: потолок в башне был полностью стеклянным, а оттого прозрачным, как и стены, выложенные из окон высотой в человеческий рост, что создавало эффект падения вниз, стоило подойти слишком близко к раме. Вся комната напоминала игрушечный шар, только без снега; вместо снега здесь были цветы, в основном розы и гортензии в горшках, разукрашенных так, будто на них обычной гуашью рисовали дети. Каждая деталь выглядела неординарной, вдохновляющей, врезающийся в память точно игла, но ничего из этого не шло ни в какое сравнение с золотым платном над дубовым столом Сары, до того большим, что могло бы спрятать под собой человек пять, не меньше.

На нем была изображена черноволосая женщина с черничной кожей, вышагивающая по преклоненным человеческим телам, как по лестнице. Ее наготу прикрывал лишь пояс

из сплетенных человеческих конечностей, а у самой нее руки было четыре, и каждая из них складывалась в тот или иной символический жест. Само плотно, вышитое золотой каймой, было в идеальном состоянии: краски броские, насыщенные, но потертые. Было сложно угадать, сколько этой картине лет или даже столетий.

– Каларатри или Кали, – проследив за моим взглядом, озвучила Сара, и я немедленно вспомнила, что именно так обозвал ее Крис сразу после того, как рухнул практически ниц. – «Черная ночь». Одна из форм Парвати, жены бога Шивы. Воплощение богини-матери и разрушения, стремящиеся искоренить невежество и сохранить заведенное мироустройство. Кали благословляет и освобождает тех, кто стремится познать истину, как и наш Прайд.

– Вы профессор истории, – вспомнила я.

– Да, в Анкоридже я преподавала историю политических учений и средневековую Британию, – мечтательно улыбнулась она. – Раньше в Чикаго – древность, в основном Индию. Со временем многое забывается... Но попроси меня процитировать Артхашастру на санскрите, и я процитирую, – Сара задумчиво сощурилась и изрекла нечто, что я не смогла бы повторить даже спустя годы тренировок. – *«Пусть он не причиняет осквернения чистому, подобно отравлению воды ядом, а то может никогда не найтись лекарства для оскверненного».*

– Ух ты, – притворно восхитилась я. – Это было похоже на парсултанг из «Гарри Поттера». Поблизости что, проползал Василиск?

Сара запнулась. Было очевидно, что она грелась вниманием к собственной персоне, не теряя возможности предстать во всей своей интеллектуальной красе, но вот ехидные замечания и шутки глубоко уязвляли ее самолюбие. Я ходила по тонкому льду, гораздая в любой момент напороться на случайную глыбу, и рано или поздно это должно было произойти: Сара обошла стол, села, наклонилась к нижней тумбе, и весь зеркальный кабинет вдруг пришел в движение. По крайней мере, так показалось мне, когда Шон, дождавшись какого-то незримого для меня знака, подхватил оба мои локтя и завел их мне за спину, обездвигивая. Я вскрикнула и упала животом на стол, скрученная в три погибели, пока Сара неторопливо раскрывала деревянную шкатулку, предварительно сдунув с нее слой пыли прямо мне в лицо.

– Ну конечно, – чихнула я, шмыгнув носом. – Хваленая безопасность и дружелюбие... И двадцати минут не прошло, как мы наедине остались!

– Тш-ш, – Сара прижала указательный палец к губам, и Шон сдавил мои руки сильнее, выбивая из меня не только возможность говорить, но и дышать. – Смотри внимательно!

Пока Шон удерживал меня за локти, она поднесла к моему лицу стеклянный треугольник из шкатулки, исписанный причудливыми сплетениями шипов, клевера и архаичного орнамента. Повернув его в сторону и подставив к окну, она подняла его над головой и словила луч, отброшенный в простор кабинета оранжевым шаром солнца, что уже разгонял мрак северной ночи. Отраженный, свет заплясал по стенам тысячью оттенков, красок и силуэтов.

– Это ловец солнца, – прошептала она, крутя между пальцев треугольник так, чтобы свет продолжал играть, раскрашивая белые стены то в пшеничные, то в гранатовые, то в аметистовые цвета. – Он ловит свет с неба и преобразует мир, делая нечто особенное буквально из ничего, – Сара резко опустила стекляшку, и весь ее блеск утих. Комната снова увязла в пред-рассветном сумраке, и Сара грустно улыбнулась. – Лишь ловец делает истину зримой. Ты как этот ловец солнца, Джейми, поэтому ты должна помочь мне.

Шон разомкнул замок пальцев и отпустил меня. Я давно перестала сопротивляться, замороженная и растерянная, а оттого едва не упала, неуклюже пошатнувшись и прижавшись лопатками к дверному косяку. Настороженно взирая на Сару, бережно убирающую ловец обратно в кленовую шкатулку, я вжалась в проем, взглядом ища пути отступления, но Шон прирос к единственной двери, многозначительно скрестив на груди руки.

Прохода нет.

– Помочь вам?.. – уточнила я услышанное с нервным смешком. – Разве существует что-то, с чем вы не могли бы справиться сами? Вон даже личную башню себе отстроили!

Сара обошла стол по часовой стрелке и замерла у открытого комода. Оглаживая ногтями резьбу шкапулки, будто ноющие шрамы дерева, она зажевала нижнюю губу.

– Как думаешь, откуда столько людей в Прайде? И почему именно они?

– Себастьян говорил что-то... – Я попыталась вспомнить, но пристальная слежка Шона и нагнетенный воздух сбивали с мысли. – Я не помню...

– Он не мог этого говорить. Себастьян не знает ничего, кроме того, что мы отбираем только самых нужных и лучших, – Сара с шумом задвинула шкапулку в одну из полок и обернулась. Впервые за то время, что я провела с ней наедине, ее щеки одолел легкий косметический багрянец. – Тех, кто способен работать и приносить пользу. Сначала были лишь я и мой сын. Я не сразу поняла, что умею... Пока мы не нашли Шона и не убедились в том, сколь безошибочно мне дается определять чужие дары. Так я отбирала самые полезные. Обычно это были молодые или зрелые люди; старики зачастую не переживали пробуждения или умирали сразу во сне, даже не превращаясь в банши. Я начала с поиска тех, кто обладал даром к целительству, а после... Мне повстречались твоя сестра и тетя. Дальше – больше: мы разбудили почти бесталанных, зато рукастых; например, инженеров, прежде работающих здесь, способных вернуть функционал в строй... Военных в отставке, пилотов, простых рабочих, фермеров и даже несколько учителей для их детей, которых они с собой привели. Тех, кто отличался даром, я назначила сновидцами. Все вы поистине уникальны! Ни один дар не подобен другому... Лишь за одним исключением.

– Подождите... Тетя? – Я шагнула ближе, и Шон в дверях рефлекторно напрягся: прорезались мускулы на плечах и желваки, выдавая его боеготовность в случае чего кинуться и стеной загородить от меня Сару. – Вы говорите о нашей с Джесс тете? Ларет?! Разве она не умерла при крушении поезда, когда они с Джесс ехали навестить меня в Фэрбанкс на каникулах?

Лицо Сары переменялось: прежде безразличное, горделивое, оно вдруг рассеянно вытянулось, как если бы она уже в машине вспомнила, что забыла дома ключи. Взирая на меня, Сара повела пальцами, и в следующий миг Шон вновь подхватил меня под локоть. Я сумела лишь испустить утомленный стон, когда он подтащил меня к ее столу и толкнул, едва не вперив носом в брошенные Сарой фотографии и рисунки.

– Ничего бы этого не было без твоей тети Ларет, мышка. Мой верный друг и спутница... Жаль, она не смогла отдавать мне столько себя, сколько требовалось, и в конце концов устала воспротивилась. Я не стала ее мучить – я ведь не зверь... По-моему, это было крайне милосердно с моей стороны.

Но то, что лежало перед моими глазами, даже отдаленно не походило на милосердие. Снимки с разных ракурсов, заметки синим маркером, списки необходимых транквилизаторов и приспособлений, чтобы делать тело податливым и бессознательным; на фотографиях, закрепленная поясом на кушетке, лежала русая женщина с фигурой, как песочные часы, так похожая на мою маму. До аварии родителей я редко виделась с Ларет, разве что на дни рождения... А после моего отъезда в университет все ограничивалось парой звонков по скайпу в месяц. И все же не узнать ее было невозможно: женщина, заботящаяся о Джессамине, пока мы с братом строили собственные жизни, и женщина, с которой я больше никогда не смогу поговорить за чашкой ее ароматного глинтвейна и услышать, как она напевает себе песни Шакиры за мытьем посуды. С этим я смирилась уже давно, а с тем, что меня лишили этого умышленно – нет.

– Она сделала этот ловец снов и подарила мне, – нежно улыбнулась Сара, тронув подушечкой указательного пальца меловое лицо Ларет на изображении. – Первая, кто стал Ловцом. У вас с ней одинаковый дар, возможно, наследственный. Ты когда-нибудь была в Индии? – Я не могла оторвать взгляда от фотографий, но почувствовала, что Сара посмотрела на картину

индийской богини. – Множество религий считают, что наша кровь – этоместилище души. В ней наши воспоминания, наше естество, а, следовательно, наша сила. Если сновидцы слишком эгоистичны, чтобы помогать добровольно, за них это делает их кровь... Достаточно лишь капельницы, системы поддержания жизни и переливания.

На фотографиях осунувшаяся Ларет находилась без сознания. Налитый прозрачным раствором мешок над ее головой, через трубку из которого ей в вену поступали питательные вещества... И такой же над другой рукой, только наполовину полный багровым – ее кровью, которую затем брали и использовали, как считали нужным. Донор.

– Ловец, – улыбнулась своим мыслям Сара, и я закричала.

Шон перехватил мою руку в сантиметре от того, как я бы оставила минимум фиолетовый синяк и пару ссадин на ястребином лице Сары. Ее глаза широко раскрылись от удивления, когда я попыталась и пнуть ее, но Шон с усилием удержал меня на месте, сведя запястья. Я вскрикнула, упав на колени перед столом, и едва не расшибла об его угол висок.

Сара снисходительно наклонилась и укоризненно цокнула.

– Не надо злиться, Джейми. Злость – разрушительная сила, а мы должны созидать.

– Джесс, – прошипела я. – Где Джесс? Она знает об этом? Она так сильно любила Ларет... Почему она не ненавидит вас? – Сара сощурилась, и я всковырнула давно прощупанную почву: – Чувствовать чужие дары – это ведь не все, чем вы владеете, я права?

Несколько секунд Сара раздумывала, но та двусмысленная улыбка, что чересчур ясно озарила ее лицо, сбила с меня спесь.

– О, милая, – удрученно покачала головой она. – Твои слова бы да Богу в уши! То, до чего ты уже догадалась, не мой дар. Это моя суть. Я не заставляю никого любить меня... Я лишь заставляю их прислушиваться ко мне.

– Что вы внушили ей?

– Ничего. Она сама предпочитает думать, что ее тетя погибла в том поезде. Я лишь утешила ее воспаленный рассудок и помогла воспринять это место, как новый дом...

– Как бы вы не называли это, – процедила я сквозь зубы. – Но большинство людей здесь чувствуют к вам уважение лишь потому, что вы держите их разум под контролем. Обнимаетесь, наверно, часто, да? Или какой вы избрали способ? Тоже по очереди со всеми сосетесь? – язвительно ухмыльнулась я, слишком разозлившись. – Как с Крисом... Вряд ли ему бы не стало противно, что он целуется с матерью своего лучшего друга, если бы только не ваш дар убеждения.

Носогубная складка Сары задергалась. За долю секунды очутившись подле меня, она веером распростерла пальцы у меня под шеей, давая понять – я в ее власти.

– Ты тоже прислушаешься ко мне, если я захочу, – прошипела она. – Жаль, что тогда из ловцов и грамма пользы не выжать! Сама Вселенная ластится к твоим рукам, как кошечка к миске со сливками; тянется угодить, лелеять, исполнять... Безграничный потенциал! Материя – податливая глина. А ты, неумелое дитя, мыслишь столь мелко, что тешишь ее какими-то влажными подростковыми фантазиями. Крис мне как сын! Я люблю его так же, как любила Себастьяна, пока он не предал меня и не покинул. Любовь вовсе не способна быть разной; иное же выдумка тех, кому не посчастливилось столкнуться с ее двойником-лицемерием. Думаешь, это в тебя Крис влюбился по доброй воле?.. Ты – ловец, ты лишь исполнила свою прихоть!

Взгляд остекленел, а сердце пропустило несколько ударов, пока я стояла так – вжатая в стену хваткой Сары, обезоруженная и растаптываемая каждым ее новым словом, проникающим в плоть точно плотоядные скарабеи. Заметив мое смятение, мое отрицание, мою слабость, Сара распалилась лишь больше и с усмешкой добавила:

– Ловец воплощает свои желания в жизнь. Ты всегда мечтала быть избранной, так ведь?

– Что могла Ларет? – шепотом спросила я. – Что у нее был за дар?

– А сама как думаешь? – усмехнулась та. – Когда ты научишься это контролировать, не будет ничего, что ты бы не могла изменить или заслужить, будь это воскрешение мертвых или банальное покорение мужских сердец! Ты хочешь – и это происходит. Вот так это работает, мышка. А раньше ты хотела только Криса... Ловец, ты поймала свой луч – ты поймала его чувства и сосредоточила на себе.

– Не бывает таких сил! У вас нет доказательств...

Сара убрала руку и попятилась.

– Уверена, если чуть-чуть пороешься в событиях прошлого, то сама отыщешь их. Однажды Ларет едва не превзошла Оливия: мы очутились на границе с Норвегией и даже не заметили этого, хотя шли к магазину со сладостями. А она просто без умолку гудела о свежей семге и горячем эгг-ноге... Делай выводы. Скоро увидим, равна ли ты той, что оказала нам первую честь быть ловцом.

Я хотела, но не смогла расплакаться. Лишь опустила на корточки, сползла вниз по спине и обхватила руками голову, спрятав ее между коленями, как хотела бы спрятаться вся целиком – от Сары, от усмевающегося в дверях Шона, от самой себя и от той правды, которая звучала слишком прекрасно и ужасно одновременно. Исполнять свою волю... Я считала, что мое выживание – чистой воды везение, как и то, что именно мне удалось заслужить любовь Криса Роуза. Но...

Не МЗВ нашли меня, а я нашла их. Не Крис влюбился в меня, а я влюбила его. Я нашла Джесс, потому что искала. Я не умерла, потому что едва ли мне захотелось бы этого в здравом уме. Даже моя внезапная находка в виде целого автомата с контактными линзами... Или самокат... Или молниеносное перемещение к МЗВ после встречи с охотником, которым оказалась моя сестра, когда до лагеря было еще полдня пути.

Я. Это все я.

Сара обошла меня, ссутуленную и растоптанную, и задумчиво постучала пальцем по подбородку.

– А, может, ты просто слишком слаба для того, чтобы правильно обращаться с таким даром... Мне будет сложно справиться с тем, кто столько времени филонил, элементарно не подозревая о собственных задатках. Поэтому, хотелось бы найти выход гуманнее, но, к сожалению...

Я подняла на Сару глаза и проморгала красную пелену, затмившую взор. Шон Тао отошел от двери, пропуская в кабинет Криса, и я попыталась отвернуться в сторону от его лица, но вовремя заметила, в каком объеме к его взгляду вернулась былая живость и осмысленность. Успев привести себя в божеский вид за это время, он сменил задубевшую от запекшейся крови толстовку на тонкое поло и полицейскую куртку, умылся и даже довел мелкие островки щетины до шелковой безупречности, а потому выглядел опрятно и непривычно уютно.

– Что случилось? Это вы так поговорили? – спросил он строго, неотрывно глядя на меня, сидящую на полу, а не на Сару. – Джейми?

Когда он тронул кончики моих волос, и я шарахнулась в сторону как от огня, выглядеть Крис стал еще угрюмее. Присев рядом, он обхватил меня, заставляя смотреть прямо перед собой.

Я хотела, чтобы он пришел. И Крис пришел... Мое подсознание снова сработало, как ловец солнца? Или это я теперь закидываюсь на каждой мелочи, поверив в бредни женщины, которая целовала едва ли не врасос ровесника своего сына и при этом звала его же приемным? Крис погладил меня по щеке и прижался к моему лбу своим. На этот раз я не отстранилась: лишь опустила веки, переводя дух в мимолетной тишине, кажущийся мне рядом даже с таким нестабильным Роузом мысом долгожданного умиротворения.

– Ты в порядке?

Он говорил это так тихо, чтобы Сара не услышала, но я осмелилась лишь робко кивнуть головой в знак согласия.

– Точно?

Мысли в моей голове бились о скалы бессилия. Я пыталась смотреть на Криса и не видеть в нем заложника той судьбы, что сама же для него избрала. Если я могу все, что пожелаю, то почему он все еще такой, а не прежний?.. Это вселило утешительные сомнения, а затем вселило и новые: Крис больше не выглядел замороженным и оупленным чужим воздействием. Сколько бы магия Сары не действовала на него, ее отголоски укоренялись в подсознании, как плешивые сорняки крапивы: они тянули душу Криса назад, в Прайд, и одновременно с тем внушали страх, ведь он уже знал, чему позволит случиться здесь, если вернется. Но основное действие, судя по всему, проходило быстро: он больше не обращал на Сару никакого внимания, и, заметив то же самое, она поскребла пальцем поверхность стола. Ее нижняя губа поджалась.

– Что такое, Роуз? С Джейми все хорошо, я рассказывала ей о роли ловца. Ты был прав на ее счет... Она потрясающая.

– Это так, – согласился Крис, и голос его зазвучал, как стальной. – И поэтому ты не сделаешь с ней того, что сделала с Ларет, верно?

Он знает. Смещение новой вспышки злости, обиды и удивления. Крис не ответил на мой взгляд, но это было и не нужно: сейчас или еще раньше, но он уже узнал о деяниях Сары. И не за этим ли привел меня, как зверя на убой?..

– Не сделаю... Если Джейми сама согласится помочь, – мягко улыбнулась ему Сара, и я вдруг протрезвела.

Отстранив рукой Криса, облокотившись о его плечо и поднявшись, я с вызовом вздернула подбородок. Выбор без выбора, который предстал передо мной уже ни раз – к отчаянию вырабатывается иммунитет, как к смертоносному вирусу, уничтожающему тебя клеткой за клеткой.

– Помогу. Вы же Прайд... Ну же, Сара-Каларатри, – Я выдавила кривой оскал вместо улыбки. – Разве я не сойду за львицу?

Она ухмыльнулась, но не дрогнула. Крис испытующе следил за нашей перепалкой, не зная ее нутра и того оружия, что каждая из нас была готова использовать друг против друга. Нежно тронув пальцами мою щеку, Крис потерял ее и обнял меня на глазах у остальных.

– Я не имею ничего против тебя, Джейми. Здесь найдется место всем, тем более ловцу и ее щиту, – отозвалась она, а я нахмурилась, но не стала спрашивать, права ли я, что под моим щитом она подразумевает Флейту. – Но конкретное место, что тебе достанется, зависит от того, как ты покажешь себя дальше. Теперь все зависит только от тебя. Постарайся никого из нас не разочаровать... Особенно саму себя. Оливий, мальчик мой!

Крис отступил в сторону, пропуская вперед ребенка, и я вдруг увидела, что на этот раз он держал за руку мою сестру, идущую ровным шагом чуть поодаль. Наша с Джесс встреча в лагере была внезапной, если не сказать больше – кошмарной и шокирующей. Сейчас же, эмоционально истощенная, я уже не могла удивиться больше, чем удивилась за эту ночь, и лишь невозмутимо наблюдала, ожидая увидеть сотню смертоносных уколов в ответ. Но ничего подобного не случилось, наоборот... Джесс выглядела пугливой и расстроенной. Кончик ее носа был красным как у оленя Рудольфа, и я невольно вспомнила все ее детские истерики, которые она часто закатывала дома еще до нашего с Эшом отъезда. Ее глаза подтвердили догадку: светлые, потухшие, они припухли вокруг и выглядели затерто, как если бы она смазывала с них слезы грубым рукавом водолазки, в которую была одета. Джесс не сразу осмелилась посмотреть на меня, а когда решилась, то едва не расплакалась снова: ее губы дрогнули, пытаясь что-то сказать, но Сара жестом указала ей на дверь.

– Джессамина? Кажется, я велела тебе помогать Фрэнсис на кухне. Наказание есть наказание, милая, ты забыла?

Она глухо всхлипнула, но подчинилась. Горькое непонятное мне сожаление и стыд. Неужели она боялась моего появления? Испуг и сопли вместо приветствия – явно не то, что я ожидала от девчонки, что сожгла мое прибежище. Молча посмотрев ей вслед, я как можно более дружелюбно улыбнулась оставшемуся Оливию, хоть и помнила, что он все равно этого не увидит.

Стоять в одиночестве без чужой руки ему словно было в новинку. Он чувствовал себя неуютно: переминаясь на одном месте, потирал крохотные ручконки под грудью и озирался по сторонам в поиске скорейшего соприкосновения.

– Крис? – робко позвал он.

Роуз тут же вырос рядом. Ливви вцепился своему лучшему другу в край свитера, и личико его облегченно разгладилось.

– Я здесь, приятель, – Крис присел на корточки. – Сможешь сделать для меня кое-что? Помочь моей подруге. Нам нужно в Джорджию...

– Неваду, – автоматом поправила я.

– В Неваду, – серьезно согласился тот. – Да. Ты был когда-нибудь там?

Оливию покачал головой.

– Тогда... Проблема. Идеи?

– У меня кое-что есть.

Я и не заметила, как светловолосая голова Джесс снова показалась в дверном проеме, нарушая очередной запрет (я ведь говорила, что нечто в этом мире всегда остается неизменным). Я была потрясена собственным равнодушием, но именно с ним я посмотрела на сестру, отчаянное желание помочь которой казалось чем-то чужеродным и неестественным на фоне ее прошлых поступков. Стремление искупить вину не вязалось с образом той озлобленной завистливой девчонки, что была готова унести человеческую жизнь лишь бы отомстить за свои затаенные детские обиды.

Она сконфуженно потупилась и выставила на всеобщее обозрение пожелтевшую от времени фотокарточку с изображением мостовой и сверкающей высокотехнологичной башни, в стержневом логотипе которой я тут же узнала аэрокосмический корпус университета Невады в городе Рино.

– Эшли прислал мне ее, когда поступил на первый курс, – пролепетала она с ностальгическим блеском в глазах. – Его общежитие здесь не изображено, но, наверно, должно быть где-то в студенческом городке...

– Bravo, Джессамина, – наградила ее учительской улыбкой Сара, но уголки выкрашенных кирпичной помадой губ быстро вернулись в исходное положение, когда она выхватила карточку и передала ее в крошечные пальцы прижавшегося к Крису мальчика. – А теперь делай, что тебе велено. Не забудь помочь с обустройством комнат для наших новых львят.

Джесс снова посмотрела на меня, и на этот раз наши взгляды все-таки пересеклись. Молча отвернувшись, когда она скрылась за стенами кабинета, я в готовности выпрямилась, ожидая. Вернуть себе брата – моя первостепенная задача. Выбраться из этого отнюдь не львиного, а змеиноного логова всем скопом с остальными друзьями – задача уже вторая, и о ней я подумаю позже.

– Шон, – Сара поманила его пальцем, и юноша подошел.

Он взял в руки карточку и сощурился так сильно, что я и вовсе перестала различать цвет его зрачков в этих двух узких ущельях. Вчитываясь в обратный адрес открытки, а затем взглядевшись в поблекшие на картоне пейзажи, он собрано кивнул и накрыл ладонью лоб Ливви.

Прежде мне не закрадывалась в голову мысль, а как именно Оливию переносится в те места, где когда-либо был или, тем более, где еще не бывал ни разу. Даже если слепота его не врожденная, а приобретенная, то на ощупь ли он запоминает местность? Представляет ли в уме с помощью воображения те описания, что нашептывают ему на ухо? Или просто мечтает,

отгалкиваясь на одну лишь прихоть посетить нечто новое? Как именно он узнает, куда ему надо попасть, если не в силах увидеть, а, следовательно, и знать, какое место конкретно необходимо? «В каждом даре есть своя загвоздка», – говорил Крис, – «И она уравнивает твои преимущества существенными недостатками».

Здесь ответом был Шон – я поняла это, но не поняла того, как именно они работают в одной стези. Ему было достаточно приложить два пальца, – указательный и средний, – ко лбу мальчика, чтобы лицо того просияло. В буквальном смысле: пелена на глазах словно засветилась, веки поднялись выше, лоб разгладился, следуя за разомкнувшимися губами.

– Красиво... Я бы хотел там жить. Похоже на то, что ты показывал мне, когда я долго не мог заснуть.

Впервые я увидела, как Шон улыбнулся. Я следила за ними с настороженным любопытством и едва не вскрикнула от неожиданности, когда Сара резко обратилась ко мне:

– Если ты готова, то возьми Оливия за руку. Он поведет нас.

Нас?

– И меня, – вмешался Крис, и даже рядом с ним таким, опьяненным присутствием другой женщины, тошнотворно сломленным и лжепреданным, мне все равно стало чуточку спокойнее.

Саре же это не понравилось: нос ее заострился вниз, как у греческой гарпии, но она не осмелилась прилюдно возразить. Одарив Крису своей благосклонностью в виде полного нейтралитета, она взялась одной рукой за край рубашки Оливия, а второй за руку Крису.

У меня свело челюсть.

– Джейми?

Я удивленно взглянула на позвавшего меня мальчика, а затем на его протянутую узкую ладошку. Стоило мне принять ее, как комнату озарила вспышка, похожая на шаровую молнию и подернутую водную рябь одновременно. В центре комнаты воздух потянулся коконом, завернулся и закрутился, сделавшись плотным, шероховатым, густым и пластилиновым. Кажется, потяни пальцами за воображаемый кусочек – и он податливо примет любую удобную тебе форму. Оливий решительно потянул нас в эту сияющую ребристую арку, и я лишь успела на всякий случай задержать дыхание, как мир вокруг переменялся.

Снаружи это напоминало двустороннее зеркало – перламутровая грань, в которой едва различимо твое собственное отражение, – в то время как внутри это оказалось всего лишь порогом, как порожек в соседнюю комнату. По ощущениям было именно так, а затем – заснеженные равнины, но с большей холмистой местностью; более скудные пейзажи, сухие, словно даже зимой песчаные. Здания здесь совсем не походили на дома Аляски: высокие, каменные, многоформенные и совсем негармоничные, не то слишком современные для обывательского понимания, не то состроенные завсегдатаями Лас-Вегаса. Именно на него и походил этот небольшой городок – не хватало лишь анимационных вывесок казино и многоярусных фонтанов.

– Это должно быть здесь, – шепнул Ливви, отпустив руку каждого, кроме Крису, держась за него, как за спасательный круг или любимого плюшевого медвежонка. – Где-то там...

В направлении, которое он расплывчато указал, действительно виднелась та самая башня, что и на фотокарточке Джесс, а слева от нее стояло угловатое мраморное здание со стрелками, указывающими путь до мужского братства.

– Зная Эшли, уверена, он точно состоит в братстве, – хмыкнула я, вспоминая легкую задиристость и одаренность брата (включая его талант становиться затычкой в каждой непрошеной бочке).

Извилистая грунтовая дорожка до крыльца напоминала мне вымошенную из золотого кирпича дорогу в Изумрудный город – ведущая к долгожданным сокровищам, тайнам и при том таящая на пути немало опасностей. Большинство из них шагало прямоком за моей спиной: Сара, ступающая до того бесшумно, что слюнями зависти изошло бы и бесплотное приви-

дение. Стараясь не озиаться ни на нее, ни на Криса с Оливием, я собралась с духом и вошла внутрь общежития, над крышей которого весело развивался американский флаг и криво склеенный плакат с подписью «Братство игуан». Неужели кто-то додумался назвать так студенческий мужской клуб?

– Крис пойдет с Ливви, – Голос Сары эхом отразился от полых стен. – Вы пойдете в правое крыло, а мы с Джейми в левое. Девочки с девочками – мальчики с мальчиками, – улыбнулась она.

Жутким холодом повеяло от ее дружелюбия, и, кажется, даже Крис почувствовал это, но никто из нас не дрогнул: мы разошлись каждый в выбранном направлении. Общежитие представляло из себя сложенные буквой «П» коридоры, противоположные друг другу, широкие и обклеенные со всех сторон постерами. Возле каждой двери красовалась табличка с номером и каким-либо маркерным рисунком (смайлик, женские гениталии, футбольный мяч, мужские гениталии, снова смайлик...). Я прошла до конца корпуса и лишь у предпоследней двери взгляд зацепился за знакомый узор – сплетение букв Э и Ш на розовом пузе рисованной игуаны в ковбойской шляпе.

– Он здесь, – произнесла я и импульсивно толкнула дверь в комнату.

Пыль мерцала в солнечном свете, как пыльца диснеевских фей. Две койки стояли по разные стены друг от друга, а в углах нагромождались кучки из поношенной обуви, рюкзаков и полупустых бутылок с забродившим пивом. Воздух душил кисло-горьким запахом испорченных продуктов и затхлости. Я поежилась, втянув голову в шарф: без отопления в каменных стенах в здании было еще холоднее, чем снаружи. Невзирая на это, тела спящих людей не поддавались окоченению: теперь, с обогащенным знанием того, что творится в мире, я и впрямь замечала тусклые, но какие-никакие признаки жизни, наклонившись к неизвестному светловолосому парню под грудой одеял.

– Это он? – спросила остановившаяся в дверях Сара, скорее всего из брезгливости не решаясь пройти в застоявшуюся мужскую обитель, нежели предоставляя мне возможность воссоединиться с братом наедине.

– Нет, – покачала головой я, робко тронув плечо юноши и отбросив с его лица клочок волос.

Бледный, он спал беспробудным сном, даже не подозревая, сколько месяцев прошло с той злополучной ночи. Осталось лишь подойти к постели соседней – больше Эшли быть было негде. За эту пару секунд в моей голове взорвалось: что будет, если я не увижу его там, под одеялом? Что, если он давно обратился в безмозглого банши? Что, если он не уснул, как и я, и скитается где-то по холоду? А если он вообще погиб? Что будет, если я снова останусь без брата, но на этот раз уже безвозвратно?

Губы дрожали, свинец тек по векам и поступал в горло, заполняя легкие. Я будто дышала углекислым газом: с каждым вздохом язык проваливался куда-то во внутрь. Напряженная, я с трудом перебрала ногами – пара шагов, и вот я нависла над бесформенным свертком, который мог как оказаться моим братом, так и не оказаться...

– Ну же, – начала подгонять меня Сара. – Ты ловец! Это будет он, Джейми... Если, конечно, ты хочешь этого на самом деле, а не притворяешься.

От ее слов не полегчало. Очередное напоминание о моем бессмысленном даре, который работал черт знает каким образом – эффект плацебо и кот Шредингера в одном флаконе. Вспышка подкопченной ярости – и, смяв пальцами край одеяла, я рывком дернула его на себя.

– А он красавчик, – ухмыльнулась Сара, подходя ко мне.

В детстве нас было не отличить: наши волосы были одинакового оттенка до тех самых пор, пока его не выгорели на солнце, а мои не сделались гуще. Теперь же медно-золотые, как у породистого ретривера, тугими пружинками они были раскиданы по подушке, неизменно короткие (кажется, в телах спящих застывали все жизненные процессы, пресекая даже возрастные трансформации). Прямой чуть заостренный нос, пухлые губы, ресницы, под которыми

должны были скрываться синие глаза. Я помнила его таким с детства. Я помнила и то, в какой позе он спит – точно в такой же, как и сейчас: подложенные под подушку руки, раскинутые в разные стороны ноги, вздернутая чуть ли не до шеи пижама, обнажающая плоский живот со шрамом от аварии на мотоцикле. В канун Рождества я хватала его за тощий бок и стаскивала с другой стороны постели, противно хихикая, чтобы вместе разбудить Джесс и понестись первыми распаковывать подарки. Мне хотелось сделать точно так же и сейчас, но зрительное отсутствие дыхания и тот самый стойкий запах тухлятины и пищевого разложения делали все, чтобы напомнить мне – прошлого не вернуть и даже не повторить.

Я погрузила пальцы в жидкое золото его волос, в котором словно искупалось само солнце при рождении, и улыбнулась.

– Разбуди его, – велела Сара.

– Умная мысль, – саркастично воскликнула я. – Я ведь умею будить кого мне вздумается! А остальной мир до сих пор дрыхнет так, из моей вредности... Жизнь ведь такая крутая без людей-то!

– *Разбуди*, – повторила Сара так, словно не услышала меня. – Скажи ему, чтобы проснулся.

– Вы думаете, это так работает?..

– Я не думаю, – отрезала она, сверкнув глазами. – Я знаю. Ты ведь хотела быть частью Прайда... Зачем ты нам, если не сможешь обращаться со своей силой так, как это делала Ларет? Ты должна быть не хуже, Джем. Увы, твоя тетя успела высоко поднять планку.

Ноздри ее раздулись в ожидании, и Сара сложила руки под грудью, наблюдая. Уставшая, раздосадованная и раздраженная, я демонстративно склонилась над Эшли и закричала:

– Проснись, старший братик!

Мне показалось, что я услышала скрип ее зубов: Сара резко оттолкнула меня в сторону, и в ее руке блеснуло нечто острое и продолговатое. Сердце у меня пропустило несколько ударов, когда она приставила отогнутую дужку большой и ржавой канцелярской скрепки прямо к горлу Эшли, которую, судя по всему, стащила с заваленного стола его соседа, когда я отвлеклась.

– Заставь брата проснуться, – прошипела она, глядя мне в глаза. – Скажи, какая опасность ему угрожает... Только от тебя зависит его жизнь. Ему надо проснуться, чтобы не быть умертвленным в безмятежном сладком сне. Неужели ты позволишь родному человеку проспать собственную смерть? Что, правда не поможешь ему?

Мне захотелось расцарапать Саре лицо, а затем захотелось расцарапать его и себе. Слезы сдавили горло, когда беспомощная волна паники подступила, заменив ярость сожалением, решимость – ватными ногами, а отвагу – трусливым желанием, чтобы самое сложное вновь сделал за меня кто-то другой.

– Давай же! – рявкнула Сара, и скрепка проткнула нежную кожу под подбородком Эшли, пуская первые признаки теплой крови под ней.

Я обошла кровать, присела в ее изголовье и обняла брата за плечи. Хотя бы так я отгородила его от Сары, неохотно отодвинувшей руку со скрепкой, но все еще держащей ее наготове. Борясь с дрожью в голосе, я уткнулась ему в воротник и зашептала:

– Я виновата. Я должна была найти тебя еще несколько месяцев назад... И поэтому я столько всего должна рассказать тебе! Не только извиниться, но и попросить о совете, как мне быть дальше. Нашей семьи больше нет. Джесс... Ты бы ее в этот раз до кровавых ссадин отшлепал, знаешь, – всхлипнула я в невольном смешке. – Я обещала Ларет привезти варенье из одуванчиков. Теперь она вместе с родителями... Я скучаю по ним, но не по кому я не скучаю так сильно, как по тебе. Пожалуйста, Эш, – Я снова тронула пальцами его волосы, перебирая их. – Вернись ко мне. Открой глаза. Проснись, Эшли!

Тысячи фильмов и книг о чудесах, но ни одного подтверждения чуда в реальной жизни. Сара терпеливо дождалась истечения трех минут, но не мудрено, что ничего не произошло: Эшли остался лежать на постели, а я надрывно всхлипывала над ним, поражаясь тому, какой сломленной чувствовала себя от того, что, стоя лицом к лицу с заветным счастьем, так до конца и не могла его обрести. Меня отвлекли лишь тяжелые шаги за дверью и раздавшийся голос Криса, оставившего Оливия на пороге:

– Вы нашли? Это он?

– Он, – ответила Сара вместо меня и огорченно выдохнула. – И она. Брат и сестра, которые подтвердили мою самую плачевную теорию... В семье и впрямь не обходится без уroda. Бестолочь!

Крис шагнул ближе, но Сара опередила его: она вцепилась ногтями мне в волосы и подняла до уровня своего лица, чтобы было удобнее схватить меня за запястье, а затем проткнуть его канцелярской скрепкой, как следует замахнувшись. Крис возмущенно вскрикнул, а я не издала ни звука, лишь застонав от боли, когда ржавый металл прорвался сквозь узор вен, и напористой стружкой ударила кровь. Вовремя отведя мою руку в сторону, чтобы не забрызгать нашу одежду, Сара прижала мою рану к лицу Эшли. Она втиснула мое запястье между его расслабленных губ, прижав к сомкнутым зубам, и надавила на костяшки, заставляя кровь потечь обильнее. Ждать еще три минуты не потребовалось: хватило ровно секунды, чтобы вдоль прокола произошло что-то влажное и скользкое, очень похожее на язык.

Эшли открыл глаза, посмотрел на нас, а затем распробовал во рту то, что продолжало течь ему в горло. В панике оттолкнувшись и перевернувшись на другую сторону постели, мой брат с булькающим звуком заблевал всю простынь.

30. Рождественский ангел

Вправо. Влево.

Глазные яблоки двигаются следом за маятником часов.

Вправо. Влево.

Это должно было меня отвлечь, но на деле же только истончало мой и без того измельченный разум. Когда твои вены пытаются затаиться глубже под кожей, чтобы до них было не достать, вяжут и горят так, словно вместе с иглой внутрь поступает плавленный воск – тяжело отвлечься в принципе. Я следила за часами произвольно, потакая желанию считать меня образцом титанического терпения, а в голове кровавыми тонами разукрашивала думы о том, как именно уничтожила бы эти пресловутые настенные часы в форме раскормленного поросенка. Сожгла бы? Растоптала и сплясала на опилках канкан? Утопила?

Вправо. Влево. Вправо...

– Зажми руку, – Дмитрий согнул мой локоть, обездвиженный плотной повязкой на месте прокола, и ободряюще похлопал меня по пальцам. – Мы закончили. Посиди немного, чтобы не упасть в обморок, как в прошлый раз, и можешь идти. Не забывай есть побольше шоколада!

– С такими напутствиями я скоро перестану проходить в двери, – попыталась пошутить я, упрямо продолжая следить за циферблатом, ритмично отстукивающим время.

– Тебе это не грозит. У тебя дефицит веса.

– Дефицит?

– Не помешает добрать минимум два кило в здешних погодных условиях. К тому же, с такой периодичностью забора крови...

Дмитрий сконфузился, пристыженно поглядывая на длинные плоские ампулы под прозрачной крышкой морозильного контейнера. Как опытный доктор, он понимал, что такая частота сдачи анализов и их количество повредили бы любому человеческому организму, но, как подручный Сары, он не мог отступить от ее требований. Сто пробных миллилитров на следующий же день после пробуждения Эшли, еще двести через три дня, и вот через пару суток еще – на этот раз все четыреста.

Явно прикидывая в голове те же схемы, что и я, Дмитрий удрученно покачал головой и спрятал контейнер с живительным эликсиром, которым отныне являлась моя кровь, в еще один холодильник, только уже размерами покрупнее.

– Ты ничего не можешь сделать, – отмахнулась я, проверяя пальцами наложенную марлю и прощупывая щетинистый пластырь под ней.

– К твоему появлению у нас кончились все ампулы Ларет. Теперь же Сара предусмотрительно запасается на будущее, – все равно оправдался Дмитрий. – Она еще не приняла решение, кого разбудить. Выбирает из числа родственников наших жителей и из тех, кого мы забрали из вашего МЗВ. Но... – Доктор потер проступившую между седыми бровями морщину и уселся на свое рабочее место. – Я попытаюсь с ней поговорить. Нельзя забирать у тебя так много... В обыденной жизни донору необходимо минимум пара месяцев восстановления и после трехсот миллилитров, а тут... Джейми, ты меня слушаешь?

Вправо. Влево. Вправо. Влево...

– Ненавижу эти часы, – вздохнула я громко и оперлась о стол, приподнимаясь, но что-то пошло не так. Оторвать взгляд от маятника не вышло: он словно и впрямь вводил в транс, захватывая внимание целиком, и я, дезориентированная, качнулась, сбивая на пол средства для стерилизации и наборы пункционных игл.

Чувство, будто ступни провалились в бездонную яму, набитую ватой... Приятно.

Дмитрий подхватил меня под здоровую руку и надавил на плечи, настойчиво возвращая в сидячее положение. Выходец из русских мигрантов, он изредка и невпопад брался жест-

кими на слух иностранными словами, прямо как сейчас; жилистый и низкорослый, почти полностью седой, но такой опрятный внешне, что на его выбеленном хлоркой халате даже после многочисленных медицинских манипуляций не оставалось ни одного пятна – ни старого, ни (тем более!) свежего.

– Я позову кого-нибудь, чтобы довели тебя до комнаты.

– Эшли ждет меня у поста.

– Нет, Джейми...

– Да тут всего пятьсот метров дойти!

– Роуз, – Дмитрий постучал пальцем по матовому стеклу лабораторной камеры, привлекая внимание ступающей мимо громоздкой тени. – Окажи любезность...

Я успела лишь мысленно чертыхнуться, когда две узкие дверцы разошлись в стороны и впустили внутрь Криса, недоуменно почесывающего костяшкой указательного пальца отросшую бороду. При виде меня он оцепенел, так, будто меньше всего ожидал увидеть здесь именно мою персону.

Не желая встречаться с ним глазами, я отвернулась так резко, что чуть не вывихнула себе шею.

– Проводи свою барышню до кровати. Желательно, до *ее* кровати, – сделал нажим на последних словах Дмитрий, понизив голос. – Или передай ее брату. Главное, обеспечь ей восьмичасовой сон и проследи, чтобы плотно пообедала.

– Можешь на меня положиться, – хмыкнул Крис, и в отражении металлического столба капельницы я увидела, как он вперил в бока руки, прежде чем подойти и послушно вывести меня в коридор.

Я ощущала себя набитой куклой: руки-тряпочки болтались вдоль тела, а ноги неестественно сгибались будто раздробленные. Я чувствовала безмерную слабость, и демонстративно держаться бодрячком назло Саре и всей ее кастовой шайке у меня больше не выходило. Не осталось сил и на то, чтобы продолжить избегать Криса: я еще никогда так безропотно не принимала его объятий, как сейчас, когда он, крепко стискивая мою талию, вел меня через ряды рабочих. Иногда среди них мне мерещились лица выживших из МЗВ, а иногда так оно и было: например, пару раз я встречала старого сторожа Криса по имени Бобби, которого запомнила по кожи с выемками от оспы и усам. Наткнувшись на Прайд вместо запланированного продуктового магазина, он за считанные недели и без особого таланта выбился в должность заведующего по хозяйству аэропорта. Саре даже не пришлось использовать магию – Бобби было достаточно широты его собственной души и, конечно, небывалого честолюбия.

Все прайдеры у нас на пути приветливо улыбались. Улыбались они мне или же Крису – я так до сих пор и не разобрала, но этот утопический рай за всю эту неделю так и не перестал выглядеть именно утопически.

Шествующие дружные колонны, действующие строго по расписанию, переставали походить на загипнотизированное стадо лишь с наступлением свободных часов и до комендантского часа в одиннадцать. Периодически откуда-нибудь из-за угла доносилась электронная или симфоническая музыка, а дети оглушали визгами, споря из-за очередной присвоенной безделушки из коллекции Сары... Этот аэропорт сосредотачивал в себе настоящий маленький мир, полный всего самого разного, за исключением присущих стандартному человеку изъянов: мир без интриг, без ругни и без нарушений. А ведь люди в принципе существа загадочные: идеальность мы не выносим на биологическом уровне. Так откуда же она здесь в таком избытке?

– Даже не заговоришь со мной? – спросил Крис, и в какой-то мере я обрадовалась этому, ведь уже начала гадать, не случилось ли нечто дурное: мы прошли вместе почти пять минут, а я все еще не затыкала уши от нескончаемой болтовни.

Заметив и то, что мы минули охранный пост, и где-то за стойкой мелькнула оранжевая футболка не заметившего нас Эшли, я напряглась, ведь это означало, что Крис трактовал пору-

чение Дмитрия буквально – он собирается уложить меня в постель. И не факт, что в одиночестве...

Как в подтверждении моих слов, его рука сместилась мне на бедро.

– Укус уже не болит? – спонтанно подобрала тему я, мельком подсмотрев за его ладонью, не так давно пробитой челюстью волка и по-прежнему замотанной во избежание попадания инфекций. – Заживает?

– Вполне, – Крис отделался от меня одним небрежным кивком, инстинктивно уводя и пряча руку куда-то за спину, а затем бескомпромиссно вернулся к тому, с чего мы начали: – Итак... Ты от меня бегаешь.

Ну вот. Светские беседы – явно не моя стихия.

– Не бегаю, – соврала я. – Ты вечно занят. Не мне же самой за тобой гоняться.

– Да уж, если бы вдруг начала, это предзнаменовало бы еще один конец света. Впору будет снова запасаться консервами, – ухмыльнулся Крис и вдруг завернул в тот коридор, который, насколько я помнила, уж точно не вел к моей спальне. – Что с тобой не так, Джем?

– А с тобой?

Благо, силы постепенно возвращались, и я резко взбрыкнула, останавливая Крису и останавливаясь сама. Запрокинув голову к его лицу, я сощурилась, зрительно требуя разъяснений.

– Ты ведешь меня не туда. И... Почему ты перестал бриться? Кажется, Новый-Крис просто помешан на том, чтобы конкурировать с щечками младенца!

Обычно ответы Крису сыпались молниеносно – едва ты успевал подвести к логическому финалу свой монолог, как у него тут же находилась тысяча вариантов емкого парирования. Сейчас же он то ли дискутировать не хотел, то ли и впрямь был растерян настолько же сильно, насколько и выглядел: поджав губы, он покосился сначала в одну сторону, а затем в другую, словно ища в открытом пространстве коридора точку, на которую можно было бы уставиться, тем самым избежав необходимости смотреть мне в глаза.

Я нахмурилась, с любопытством подступив ближе. За эти дни Крис мало изменился, разве что заметно оброс на щеках и сменил полицейскую куртку на джинсовку с внутренней прослойкой овечьей шерсти. Он часто пропадал на улицах аэропорта или за его пределами, выполняя поручения Сары по поиску продовольствия или чего-то того, о чем мне, во всяком случае, было неизвестно. Мы и впрямь виделись критически мало, и это было прекрасно: после той сцены с Сарой и всего, что с новой силой обрушилось на мою голову, я была не уверена, что готова в данный момент прояснять наши отношения. План затянулся, и нас с Флейтой буквально затянуло в эту прайдерское болото тоже. Захлебнуться или же всплыть – дело за малым.

– Мне казалось, ты оценишь, – хмыкнул Крис, наконец, и задумчиво поскреб пальцами свою щетину, как тогда при входе в лабораторию; было видно, что ему самому она доставляет массу дискомфорта, отчего он так и норовит подцепить ее ногтем и содрать с лица, раздраженный. – Раньше я по долгу не брился, когда был еще... – Он осекся. – Думал, это напомнит тебе об... уюте. В общем, я тут пытался угодить предпочтениям моей ключевой женской аудитории, но нет так нет. Сегодня же побреюсь.

Крис резко сменил милость на гнев и, сделавшись угрюмым точь-в-точь как в моменты худших его порывов, возобновил движение вперед, перестав поддерживать меня и вести.

– И, к сведению, этот коридор тоже ведет к твоей спальне.

Через пару минут шествия в полной тишине мы и впрямь достигли знакомой красной двери, что вела в мои королевские покои, на деле же являющиеся бывшим залом ожидания для VIP-пассажиров. Полностью перестроенный, этот зал был разделен на множество спальных кабинок и теперь же правдоподобно походил на ряды уютных квартир. В той части, что была выделена для меня, располагалось три глянцевого черного дивана, некоторые из которых были сдвинуты вместе и оборудованы под широкие постели. Три импровизированных койки – три человека в комнате: я, Эшли и Джесс.

Сейчас каморка пустовала, и следовало догадаться, что Эш все еще потерянно рыскает возле охранных постов, а Джесс не закончила помогать на кухне. Покой и темнота за защитой плотных штор – как раз то, в чем я нуждалась сейчас больше всего на свете.

– Спасибо, что проводил... – начала я издали, надеясь дать понять Крису, что больше не нуждаюсь в его присмотре.

Я скинула обувь возле постели и замлела от одной лишь мысли, что вот-вот зарежусь в одеяло носом и просплю как минимум часов пять, освобожденная от работы за свое донорство. Обернувшись, чтобы проверить, запер ли за собой Крис дверь, я ошеломленно обнаружила, что он не намеревается никуда деваться.

– Крис?

Он преодолел разделяющие нас пару метров за такую же пару шагов и, подхватив меня под бедра так резко, что вскрик застрял пробкой где-то в горле, усадил на высокий диван, сам же опустившись на пол между моими разведенными коленями. Слабая девушка после заметной кровопотери – лучшая находка для того, кто привык брать свое силой. Если раньше я смогла бы оттолкнуть его, то сейчас же не стала даже пытаться: по-прежнему как тряпочки, руки были слабыми и не слушались. Я только жадно схватила ртом воздух, когда Крис прижался губами к моему подбородку и надавил пальцами на шею под волосами, не позволяя откинуть голову назад.

– Я сделал что-то не так? – спросил он шепотом, призывно рыская взглядом по моему лицу.

– Нет.

– Это из-за Сары? – выпалил он, пытаясь отдышаться от незримых эмоций. – Она для нас Каларатри, наша Мать, но для меня она...

– Не объясняй, – Голос мой прозвучал резче, чем я того хотела. – Не надо, Крис. Я устала и хочу лечь...

Я потянулась к подушке, надеясь обогнуть хватку Криси и вытянуться на постели во весь рост, но он перехватил мои руки. Я зашипела от боли сквозь зубы, когда он неловко задел моток бинта под сгибом моего локтя.

Взгляд Криси стал острее.

– Она не должна брать у тебя так много крови. Это неправильно...

– И что дальше? Запретишь ей? – ухмыльнулась я сухо.

– Да, – Крис ответил невероятно честно и серьезно, так по-детски непосредственно, что не оставалось сомнений в решительности его настроения. – Я и Сара... Мы не... Послушай, Джейми, я обещал защищать тебя в Прайде.

– Но ты не справляешься.

– Не правда, – скрипнул зубами он, поморщившись, а затем осторожно разогнул мои руки и наклонился, сдвинув пальцами бинты и одаривая прохладными поцелуями лиловые следы от проколов. – Я все исправлю. Я ведь помог тебе воссоединиться с братом... С семьей. С друзьями.

– Да уж, огромное спасибо, – иронично буркнула я.

– Я снова помог обрести тебе дом.

«Из которого я не могу уйти», подумалось мне, но Крис вряд ли бы понял, как это возможно. По его мнению, из Прайда добровольно не захочет уйти ни один вменяемый человек. Ему кажется, что мы с Сарой поладили... Только как бы объяснить человеку, связанному безропотностью ее дара, что он внушаем и обдумывает лишь то, что она собственноручно вкладывает ему в голову?

Крис хотел думать, что мне нравится здесь, но все, что он видел, шло с этим вразрез и оставляло незаживающие шрамы на его картине видения, навязанной ему Сарой. Сколько этих шрамов еще нужно нанести, чтобы полотно прорвалось, и он вконец прозрел?

– Я все еще кажусь тебе плохим парнем? – усмехнулся Крис, рисуя нечто невообразимое костяшками пальцев на моей щеке, пока я просто смотрела на него, но ничего не видела, слишком подавленная и измотанная, чтобы лепить из внутренней пустоты иллюзорное воодушевление. – Ты ведь избегаешь меня. Ты не даешься мне... Уворачиваешься от прикосновений, поцелуев, уже не говоря о том, как сильно я тебя хочу. Неужели я все еще нужен тебе исключительно прежним, после того-то, что и таким сделал ради тебя?

Я молча сжала губы и сонно заморгала, пытаясь сосредоточиться на усталости, чтобы ненароком не поддаться веянию тех чувств, что будоражили нутро даже в таком моем состоянии.

– Чего ты хочешь от меня, Крис?

– Чтобы ты отдала мне себя.

«Пф, всего-то?».

Он прислонился к моему лбу своим, и густая щетина, уже не такая жесткая из-за длины, прошлась по моим скулам. Я почувствовала запах лосьона и морозной свежести, которую источала его джинсовая куртка: должно быть, он только вернулся с очередной вылазки, прежде чем Дмитрий выцепил его в коридоре.

– Ты бледная. И губы такие синие, словно ежевики объелась, – обеспокоенно заметил он. – Я принесу тебе горячего шоколада и еды. А потом...

Крис снова прошелся руками по моим бедрам, спустил их обратно вниз и сжал пальцами лодыжки. Я испуганно сглотнула.

– Сегодня будет особенный вечер. Какой день подходит для воссоединения больше, чем Рождество? Повеселимся.

Рождество...

Это слово загудело в воздухе, эхом отражаясь от стен, и я принялась растерянно подсчитывать даты в календаре, пока Крис, подобрав рукой мои ноги, укладывал меня на постель. Накинув сверху шерстяной плед, он трепетно чмокнул меня в лоб, предварительно смахнув с него запутанные клочья волос, а затем напомнил мне о том, что позже принесет шоколад, и вышел из комнаты.

В коридоре я снова услышала его голос, поздоровавшийся с кем-то, и, не успев я насладиться своим долгожданным одиночеством, как дверь снова открылась. Протяжно застонав, я зажала голову между двумя подушками.

– Дайте мне поспать!

– Так дела не делаются, сестренка!

Взмыленный, Эш расчесал пальцами мокрые волосы и отлепил от тела потную спортивную майку, вопросительно нахмурившись.

– Поспать? Ты дрыхнешь уже часов пять, не меньше. А собираться на праздник когда планируешь?

– Пять часов?!

Я дернулась с постели и едва не опрокинула тумбу, нагроможденную различной посудой, которой еще секунду назад здесь не было: блюдце с зефиром, нарезанными кровяными колбасками, виноградом и глубокая емкость с еще дымящимся горячим шоколадом, судя по запаху, разбавленным красным вином для повышения гемоглобина.

– Когда это здесь появилось? – спросила я растерянно, и Эшли пожал плечами, доставая из шкафа чистое полотенце и промокивая им испарину на лбу.

– Наверно, Крис принес. Встретил его у нашей комнаты минуту назад... Джейми, с тобой точно все в порядке?

– Да, – Я свесила с кровати ноги, с удивлением почувствовав, как они затекли. – Просто мне казалось, что я всего лишь моргнула... А я, похоже, потеряла сознание. Пять часов, говоришь?.. А ты тогда где был?

– Тренировался, – улыбнулся он во все свои белоснежные зубы. – А что, по мне не видно?

– Ты меня вообще-то забрать из лаборатории обещал...

– Я и искал тебя там полчаса, пока Дмитрий не сказал, что это уже сделал Крис. Я заглянул в комнату, но ты уже спала, вот я и пошел на тренажеры, – объяснил он и отвернулся к зеркальному комоду, стягивая с себя майку. Оставшись голым по пояс, с рельефно очерченным торсом и мышцами, сведенными напряжением после занятий, Эшли, кажется, даже залюбовался своим отражением. – Такую красоту ведь надо в форме держать, правда?

– Фу, – Я закатила глаза и рассмеялась, кладя в рот сразу четыре свернутых рулетика из ветчины. – Перестань быть таким самовлюбленным! Внешность – это не главное.

– Сказала мне та, что выглядит, как актер массовки из «Ходячих мертвецов»¹, – поддел меня брат и, наконец-то спрятав эти хваленные бицепсы под хлопковой рубашкой, обернулся. – Так ты будешь приводить себя в божеский вид или пойдешь прямо так? Сразу предупреждаю: все эти рассказы о том, что парни любят естественность – ложь! Только не тогда, когда эта естественность синоним стремности. Тебе только трупного запаха не хватает, серьезно.

Я схватила подушку и кинула ее в Эшли, с удивлением отметив, с какой силой это совершила: похоже, я действительно хоть немного выпалась. Ответив мне гомерическим хохотом, брат подскочил к постели и игриво цапнул меня за носок, на что получил удар в живот пяткой.

– Отвали!

– Эй, ты ведь обещала пойти!

– Зачем? Участвовать в лживом рождественском застолье и любоваться, как Сара весь вечер норовит поцеловать Криса у меня на глазах? Нет уж, благодарю!

– Вообще-то, будет дискотека. Ты была хоть на одной дискотеке за эти полгода? Я вот только ожил как неделю, а уже по ним скучаю. И подумаешь – поцелуй! – всплеснул Эшли руками. – Я уверен, что дальше дело у них не заходит. Ты ведь сама говорила мне, что таким способом Сара просто контролирует его... Бедняжка! Вот я бы точно вскрылся, попробуй такая жуткая бабища меня засосать.

– Ну да, в твоем же вкусе скорее ее телохранитель Шон Тао, – выдавила я гаденькую улыбочку, с удовольствием лицезря, как щеки моего брата сделались пунцово-морковными. – Так ты выяснил? Он би?

– Не понимаю, о чем ты. Собирайся. Оденешься здесь или мне нести тебя к нашему визажисту? Уж она-то с тобой сладит!

– Эш, отстань... – Я попыталась снова спрятаться под одеялом и вскрикнула, вдруг перестав чувствовать под собой опору диванного матраса. – Эшли!

Он поднял меня на руки и, закинув себе на плечо, весело похлопал меня по ягодицам. Я зашипела и заерзала, принявшись лупить его коленками по груди, но в результате лишь отбила себе обе чашечки.

– Когда ты успел так накачаться?!

– В студенческом братстве, – пожал он плечами. – Мы тягали железо на спор.

– А больше вы на спор там ничего не делали? Например, было бы неплохо научиться хотя бы на спор принимать душ. Ты весь потный, – Я снова забилась, как касатка на берегу, и ойкнула, когда в ответ мне прилетел дверной косяк, с которым встретился мой лоб, когда Эшли неудачно повернулся, вынося меня в коридор.

– Ты не все мои таланты знаешь... – начала выдумывать на ходу я. – Сара не такая уж чуткая прорицательница, какой хочет казаться. На самом деле еще я умею насыпать порчу. Хочешь парочку проклятий в свой адрес?

¹ Американский постапокалиптический телесериал про зомби.

– Без обид, но все, что ты можешь на кого-то насрать – это мысли о том, что можно было бы родиться и покрасивее, – язвительно усмехнулся Эшли. – Ну, и, может быть, легкий стояк, но исключительно на Криса Роуза.

Каждая шутка Эша и каждая моя попытка уязвить в ответ его самомнение – истинное проявление любви. Мой брат снова был самим собой всего лишь как пятый день, но ничего не успокаивало больше, чем наше общение, не утратившее свою ядовитую претенциозность. Я обожала Эшли всем сердцем, но показывать это дольше получаса было чревато новой порцией шуток и с моей, и с его стороны; поэтому, вертясь на его плече, я незаметно жалась к нему ближе, облегченно прикрыв глаза. Моя семья наконец-то рядом.

– Так что? – вернул меня в реальность глумливый голос Эшли, несущего меня в сторону аэродрома мимо прайдеров, озадаченно смотрящих нам вслед. – Он уже сорвал твой полевой одуванчик, а?

– Фу! – повторила я уже не в первый раз. – Какой ты мерзкий! Я не собираюсь обсуждать это с тобой, пусть ты и гей.

– А что такого? Роуз горяч... Военные – очень популярная женская слабость. И, пусть ты и зовешь его психопатом, но я все еще не понимаю, что с вами обоими не так.

– Ты вообще слушал меня, когда я рассказывала, что мне довелось пережить?!

– Да, – Эшли зажевал пухлую губу, заглядевшись на зеркальный потолок, отчего немного споткнулся и едва не выронил меня с рук, неприлично выругавшись хором со мной. – Ты бы сама послушала себя со стороны! Не то бред сумасшедшего, не то сюжет боевика. Я лишь понял, что теперь Крис плохой парень, но...

– Никаких «но»! Все, о чем тебе надо думать – это о том, как нам отсюда выбраться. Всем скопом, Эшли, вместе с Крисом, да-да. Кто из нас двоих учится на престижной стипендии в конце концов?!

– Уже никто, – огорченно вздохнул брат. – Но я тебя понял. Да, я работаю над этим. Обсудим все завтра... Может, стоит и Джесс пригласить?

Я оскалилась.

– Нет! Выберем время, когда ее не будет в комнате. Если бы не ты, ее бы вообще к нам не подселили...

– Она наша сестра, Джейми, – строго оборвал меня Эш. – Сара могла воздействовать и на ее разум. Она еще ребенок...

– Ребенок, погубивший многих моих знакомых! Ни слова больше. Все!

Эшли не нашелся, что ответить; наверно, так выглядело его смирение с моим ультиматумом. Мне с лихвой хватало и того, что приходилось засыпать с Джесс в одной комнате и здохнуть по утрам, а это, надо признать, уже требовало невероятных усилий.

– Пригнись!

Я испуганно вскрикнула, когда Эш, едва не сбив моей головой пару косяков, быстро минул телескопический трап в один из российских самолетов, ногой вышиб и без того держащуюся на соплях дверь, а после скинул меня на сидения прямоком перед носом застанной врасплох Флейты.

– Держи свою подругу, – переводя дух, махнул на меня рукой брат. – Сделай из нее человека и тащи на вечеринку в Duty Free. Успеешь за полчаса? Пусть выглядит минимально устрашающе, а то если этот ваш Роуз сольется, где мы найдем второго такого... ценителя?

– Сам ты страшный! – обиженно воскликнула я и пнула Эшли в бок, выталкивая его из самолета.

– И вам добрый день, – Флейта стащила полотенце, вздыбленное на ее голове фараоновским колпаком, и смущенно прикрыла им свою пижаму с пингвинчиками.

Разрумянившаяся после душа, но с неизвестно откуда свежо-ободранными красными коленками, Флей выглядела так по-домашнему невинно, будто и впрямь воспринимала этот

отданный в ее распоряжение самолет как родную студию в Нью-Йорке. Она даже позаботилась об антураже: развесила под отсеками для багажа бумажные фонарики-стаканчики и снежинки из золотистой бумаги, прицепила вешалки с кучей новых одежд и сделала из кухни для стюардов туалетный столик. Если бы я не напоминала ей о нашем плане каждый день и не спрашивала, как продвигаются с ним дела, то точно повелась бы на эту маскировку, как и все остальные.

– Любимая, что такое?

Тото выглянул из-за шторы, разделяющей салон самолета на две части, и лицо Флейты покраснело еще сильнее: он был полностью раздет, не считая трусов. Наверно, в какой-то мере Прайд осуществил ее мечту, предоставив ей возможность делить свое новое пристанище с возлюбленным снайпером. Если бы только они жили здесь вдвоем...

– Грейс скоро вернется, – поморщился Тото. – Снова начнутся эти перебранки с Барби. Давайте соберемся и уйдем побыстрее?

– Полностью поддерживаю! – резво откликнулась я. – Давай, Флейта, колдуй поскорее. Не хватало мне насмешек еще одного животного! Слышал, Эшли? Вали, зоопарк не здесь.

Брат закатил глаза и, накренившись, неуклюже облобызал мою щеку слюнявыми губами. Я улыбнулась, когда он приветственно подмигнул Тото и вышел обратно на трап, выкрикнув напутствие напоследок:

– И побольше румян!

– Семейство Рейс... Кто бы подумал, что вы будете так похожи, – вздохнула Флейта обреченно, закончив выжимать душевую воду с волос в полотенце. Отложив его в сторону, она окинула меня оценивающим взглядом. – Ты что, на праздник идти не хочешь? Рождество же!

– Вспомни, где мы находимся. У тебя что, правда есть настроение выпить пунша и закружиться в вальсе?

– Нет, – погрузнев, призналась она, но тут же встрепенулась обратно. – Однако это лучший способ доказать Саре, что нас все устраивает. Пока подыгрываем – нет надобности промывать нам мозги.

Вместе мы с трудом поместились в узком туалете самолета, то и дело задевая друг друга локтями и болезненно ойкая. Пока Флейта занималась моими волосами, которые никто не расчесывал уже несколько дней, я позволила себе предаться ностальгическим воспоминаниям и обдумываю всяких каверзных вопросов, которые мне предстояли. Изредка я косилась на отражение в зеркале, но в основном старалась смотреть куда-нибудь вниз, страшась будущего преображения. Прикосновение пальцев к волосам ощущалось приятным покалыванием на затылке, и я едва не задремала, давая Флейте вертеть меня и пихать в руки стопки подходящих (по ее мнению) нарядов.

С боем вырвав из рук Флей свои джинсы, я согласилась на то, чтобы натянуть сверху удлиненную полупрозрачную рубашку без рукавов и с блестящей вышивкой на воротнике. Черная, она просвечила мой единственный бледно-сиреневый бюстгальтер, и, утешаемая комментариями Тото о том, что Сара обещала неоновые лампы, которые скроют эту вульгарность, я даже разрешила Флейте нанести макияж.

– Моя последняя вечеринка была в мае, – призналась я негромко, разглядывая себя. – В честь окончания сессии. Сейчас это так... дико.

Я и впрямь отвыкла чувствовать себя не просто человеческой, но даже женственной: смягченные тональным кремом ссадины и синяки, ровный тон лица с коралловым румянцем, нежные бежевые тени и прозрачный блеск, придавший моим вечно обветренным губам элементарную притягательность. Накрутив на пальцы вымытые и немного завитые плойкой волосы, я благодарно улыбнулась Флейте.

Любуясь сотворенной работой, она просияла в ответ.

– У нас осталось десять минут, – взглянув на наручные часы Тото, изрекла она. – Надеюсь, мне самой хватит времени принарядиться.

– А нечего было шляться по этому гадюшнику вместо того, чтобы первой занять очередь в душ! – отчитал ее он. – Ладно... Не страшно, если опоздаем. И не усердствуй! Ты нравишься мне любой, – Тото уступчиво улыбнулся, целомудренно целуя ее в висок.

Я увидела, как на лице Флей пролегла тень, очень похожая на ту, что возникала при упоминании имени Себастьяна, о котором мы условились отныне не заговаривать. Чувство вины... Поймав мой заинтересованный взгляд, она стушеввалась и отвернулась, отстраняясь от Тото.

– Подождите меня снаружи. Я собираюсь вылить на себя весь флакончик духов.

Мы с Тото послушно вышли на трап, оставляя ее наедине со своими приготовлениями. Молчание было неловким: мы так толком и не разговаривали с тех самых пор, как я застрелила его мать. Полагаю, эта сконфуженность, обостряющаяся каждый раз, как мы оставались одни, и была следствием того инцидента. Винить Тото в его нежелании продолжать нашу дружбу я не имела никакого права.

– Как поживает Эльмира? – спросила я осторожно, прислонившись спиной к бортику. – Ты выяснил, где они спрятали ее и остальных спящих?

– Меня к ней не подпускают, но, догадываюсь, что Северный терминал пустует не просто так, – хмыкнул он. – Бобби – подлый говнюк... Он заведует ими, как и в МЗВ. Чертов перебежчик!

– А ты пытался убедить Сару разбудить сестру?

– Пока нет и... Не уверен, что так уж этого хочу.

– В смысле?

– Для нее же безопаснее, пока она спит, – пробормотал Тото, напряженно разглядывая узоры из линий на собственных ладонях. – Я обещал маме ее защитить, и сделаю это любой ценой. Во снах нет Сары, да и всех этих чудовищ тоже...

– Банши тут не страшны, – прошептала я. – Оливий контролирует их и держит на расстоянии от Прайда. Крис так говорил... Но вот насчет Сары ты прав.

– Именно. Тем более, ты сама в любой момент сможешь разбудить ее. Лучше пусть это будет после того, как мы выберемся, – пожал он плечами.

Я сглотнула. Все говорили о моем даре так естественно, будто о какой-нибудь погодной закономерности. У меня же сердце о печенку отплясывало, стоило мне только подумать о том, чтобы как-то влиять на окружающий мир своей волей. Это казалось чем-то из разряда подростковой фантастики, если вовсе не абсурдом.

Заметив мое смятение, Тото добавил:

– Спасибо, что вернула мне Флейту в сохранности.

– Боюсь, это заслуга лишь ее самой.

Казалось, наш неловкий диалог тянется уже целую вечность, прежде чем открылся отсек самолета и показалась чья-то взъерошенная пшеничная голова. Моя челюсть отвисла, когда в оборванных коротких прядях, теперь едва достающих до мочек ушей, я узнала бывшую длинную косу Флейты.

– Что ты с собой сделала?! – взревел Тото, пялясь на ее мальчишескую прическу и застенчивую улыбку, с которой это убранство Флейта пригладила.

– Ты же сам сказал, что я нравлюсь тебе любой...

– Но я имел ввиду не это! То есть, – Тото хлопнул себя пятерней по лбу и шумно вздохнул. – Ты прекрасна даже сейчас, просто я... Не ожидал. Когда ты вообще решила откромсать себе половину волос?

– Если честно, еще в тот день, когда ты нашел меня возле МЗВ, – сказала она. – Банши удерживал меня за косу, и я поняла, как нецелесообразно носить на себе что-то, за что тебя могут ухватить. К тому же, она вечно выбивается из-под шапки. И колется!

– Ладно, – Тото вымученно улыбнулся и привлек Флейту к себе, зарываясь носом в том, что осталось от ее роскошной косы, которой в свое время завидовала даже я. – Ты теперь взглядишь на пятнадцать... Все, молчу! Мне нравится. Очаровательно, правда.

– Ух ты, второй я!

Грейс расплылся в широкой улыбке, застыв посреди трапа в полусогнутом положении (все еще боясь за свой бок, хотя тот почти зажил. Драматург!). Потянувшись к голове Флейты рукой, чтобы проверить на ощупь, Грейс ойкнул и отскочил, когда она ловко ужалила его пальцы острой заколкой.

– Лапы прочь!

– Еще чуть короче – и была бы совсем как мальчишка, – усмехнулся он. – Основательно к танцулькам подготовилась, ничего не скажешь. Эй, Барби, видала?

Я обернулась на начало трапа и постаралась не измениться в лице, поймав на себе изучающий взгляд девушки, которую запомнила по пирсингу в носу, выбритым вискам и ненависти ко всему живому. А еще по прощальную поцелую, при воспоминании от которого до сих пор покалывало губы, и по факту того, что она предпочитает... общество девиц. И, крайне вероятно, когда-то была влюблена в меня, если не влюблена до сих пор.

Большей неловкости я не испытывала даже наедине с Тото. Дружелюбно помахав ей рукой и удовлетворившись ответной улыбкой, – надо заметить, довольно-таки искренней, – я прошла мимо, когда Барби вдруг вытянула руку и успела черкнуть ногтем по моей щеке, что-то стирая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.